

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

Prix — 6 frs

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 1/2 (429/430)

19-й г. издания

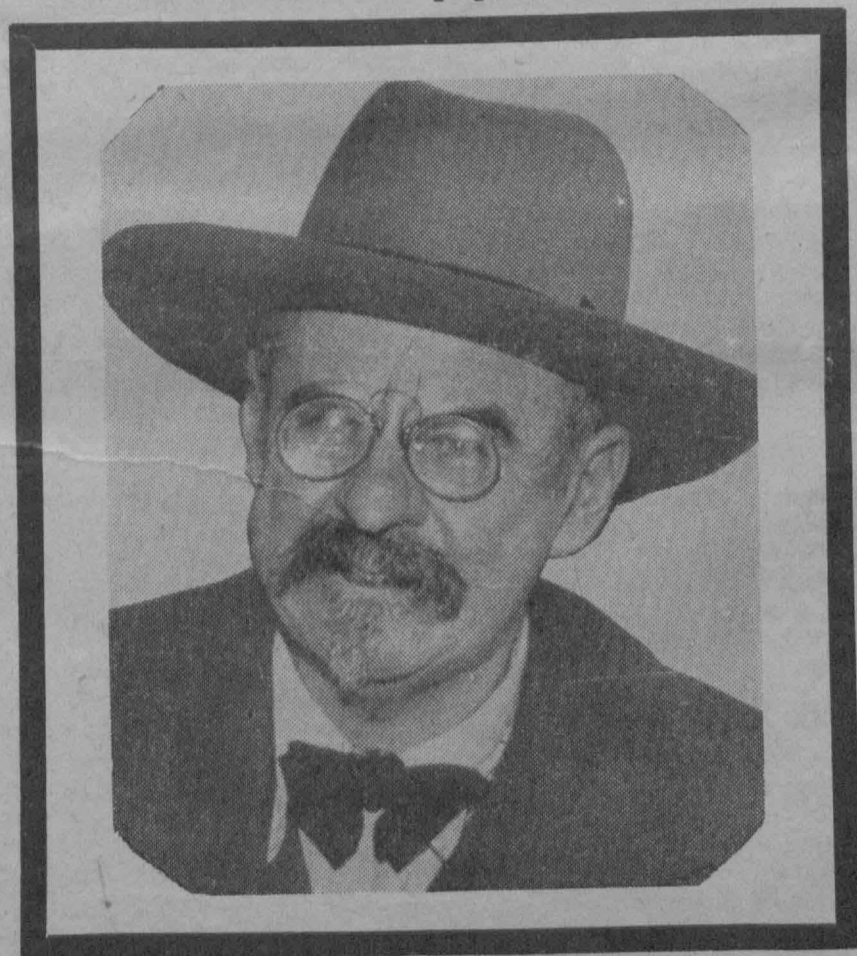
Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 41, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

29 Января 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Эмиль Вандервельде (с портретом).
С. Шварц. Реакция переходит в наступление.
В. Александрова. Литературно - революционные портреты:
2. Михаил Зощенко.
Р. Абрамович. Война и мир на пороге Нового Года.
В Рабочем Социалистическом Интернационале: Сессия Исполкома РСИ. — Ф. Дан. К сессии Исполкома РСИ.
Фельетон: Г. Н. Грамматикопуло. К загадкам московских процессов: Немножко предистории. — Абсолютный тупик. — «Стабилизация» и удар в спину. — Августовский процесс.
- Заграницей: Борьба против гитлеровщины в Прибалтике. — Дискуссия в итальянской партии.
Из партии: Совещание при Загр. Делегации РСДРП.
Издания, поступившие в редакцию. — От редакции.
Приложение: Систематический указатель к «С. В.» за 1938 г.

ЭМИЛЬ ВАНДЕРВЕЛЬДЕ

ЭМИЛЬ ВАНДЕРВЕЛЬДЕ

27 декабря в 5 ч. 30 м. утра тихо отошел в вечность Эмиль Вандервельде. В год, лишивший международный социализм Жана Лонге, Отто Бауэра, Карла Каутского, Социалистический Интернационал потерял и своего долголетнего председателя, который был бы, вероятно, его бессменным председателем, если бы не устав, формально не допускающий участия в Исполнительном Комитете Интернационала и его органах товарищей, занимающих министерские посты.

Человек громадного ораторского и литературного таланта и широких умственных и эстетических интересов, Вандервельде был одним из последних представителей того знаменитого поколения вождей социализма, к которому принадлежали в Германии Бебель и Либкнехт, в Австрии Виктор Адлер, во Франции Гэд и Жорес, в Англии Гайндман и Кэйр-Гарди, в Голландии Ван-Коль и Вибаут, в Швеции Брантинг, в Испании Иглезиас, в Италии Турати, в России Плеханов и Аксельрод и т. д. На это поколение — поколение подлинных организаторов массового рабочего движения и строителей классовых пролетарских партий — история возложила совершенно особые задачи, на выполнении которых формировался совершенно исключительный духовный облик его представителей.

В эпоху, в которую эти пионеры пролетарского социализма выходили на свою историческую работу (конец 70-х и начало 80-х годов прошлого века) только лишь начиналось классовое обособление пролетариата от той социальной среды — цехово-ремесленной и крестьянской, — из которой он исторически вышел, и по особым условиям развития Англии даже в этой стране, наиболее далеко ушедшей по пути капиталистического развития, формирование особой, «пролетарской» организации, морали и идеологии находилось еще в зачаточном состоянии. Пионерам классового рабочего движения, которые к тому же в огромном большинстве своем были выходцами из буржуазной и интеллигентской среды, нужны были огромное напряжение морального социалистического пафоса, чтобы решительно порвать с настроениями, идеями и представлениями, господствовавшими над всем обществом, в том числе и над самими пролетарскими массами, и широкий размах теоретической мысли, чтобы в первых жалких и беспорядочных проблесках массового движения провидеть грандиозные возможности и величие исторической миссии рождающейся классовой организации. И в тоже время этим пионерам классового социализма приходилось спешно приобретать практические навыки, чтобы звено за звеном строить прочные организации и не дать молодому движению разбиться о рифы и скалы, которые грозили ему и со стороны политической безграмотности, организационной неопытности и низкого уровня культуры самих рабочих масс, и со стороны политических условий того времени, когда в огромном большинстве стран эти массы были еще исключены из пользования избирательным правом и участия в политической жизни, и когда почти повсюду приходилось еще вести упорную борьбу за свободу слова, печати, собраний и, в особенности, за право коалиций.

Сочетание этих трех элементов — высокого морального идеализма, широкого теоретического кругозора и практического учета реальных условий и реальных возможностей движения, — и определяет собою специфический духовный облик того поколения пионеров классового рабочего движения, выдающимся членом которого был Вандервельде. Этот облик отличает его от предшествующего поколения основоположников проле-

тарского социализма, к которому, вместе с Марксом и Энгельсом, надо причислить и популяризаторов и истолкователей их учения, как Каутского и Бернштейна, и которое, вынужденное почти все силы свои отдавать функциям пропагандистского характера, не имело ни надобности, ни возможности развивать в себе реалистический практицизм, рождаемый функциями организационного строительства и политического руководства. Но этот-же облик отличает поколение Вандервельде и от следующего за ним поколения социалистов, которым пришлось действовать на базе уже выросших в могучую силу и завоевавших себе прочное место на политической арене, разветвленных политических, профессиональных и кооперативных организаций рабочего класса, в условиях, когда в самом социалистическом движении — именно в силу его грандиозных масштабов — произошло уже своего рода разделение труда между «теорией» и «практикой», более того, когда поглощенные своими сложными и обширными функциями «практики» зачастую начинали видеть в «теории» не необходимого путеводителя, а какую-то помеху, нечто «не от мира сего», вследствие чего и самый «практицизм» их приобретал плоский и близорукий характер, так резко отличающий его от рассчитанного на большие масштабы и всемирно-исторические задачи «практицизма» Бебеля и Виктора Адлера, Вандервельде и Жореса и их политических сверстников. И, быть может, только в наше время, когда рушится в бездну весь старый экономический, социальный, политический и культурный уклад и вместе с ним так часто и выросшие в его рамках пролетарские организации, когда приходится пересматривать все перспективы и все идеи, воспитывать в себе новые настроения и наново — и в каких бесконечно более тяжелых и сложных условиях! — начинать организационное строительство, — быть может, только теперь создаются вновь условия для возникновения того типа социалистов, который, подобно знаменитой старой гвардии Социалистического Интернационала, сумеет гармонически сочетать в себе трезвые практические навыки с предельной моральной напряженностью и широчайшим теоретическим кругозором и которому так настойчиво и с таким самоотвержением старался расчистить путь безвременно угасший Отто Бауэр.

Типичным представителем плеяды вождей своего поколения оставался Вандервельде до последней минуты своей жизни.

Начиная с 1885 года, когда 19-летним юношей, но уже «доктором прав» Брюссельского университета, он, сын зажиточной семьи, вступил в Иксельскую (предместье Брюсселя) Рабочую Лигу, он до дня смерти принимал самое активное участие во всех видах партийной работы, был председателем партии, бессменным депутатом ее, начиная с 1894 года, когда социалисты впервые получили возможность войти в парламент, и руководил всеми формами массовой борьбы рабочего класса, вплоть до всеобщей стачки: «патрон», хозяин — этим, в резком противоречии с «хозяином»-Сталиным, не льстиво - подобострастным, а ласково - фамильярным прозвищем называли его рабочие Бельгии. 4 августа 1914 года он, по поручению партии, вступил в правительство национальной обороны и с тех пор неоднократно участвовал в различных коалиционных кабинетах на постах министра иностранных дел, юстиции, здравоохранения, всюду оставляя прочный след своего пребывания рядом прогрессивных реформ.

Можно и должно, разумеется, критиковать тактическую линию, которую Вандервельде проводил в те или

инные периоды своей деятельности. Но нельзя не признать, что, когда в ноябре 1927 года буржуазная печать приветствовала уход его с поста министра иностранных дел, так как де он и на этом посту «оставался нераскаянным и неисправимым социалистом и, заседа в правительстве, не переставал быть человеком Интернационала», Вандервельде мог с полным правом ответить на эти «упреки», что буржуазная печать «была права» и что критику ее он воспринимает, как «знак почета», так как «я был и остаюсь социалистом до мозга костей и горжусь этим». И он до такой степени оставался и в правительстве социалистом и интернационалистом, что, будучи министром иностранных дел, повернулся в Локарно спиной к Муссолини, чтобы не быть вынужденным пожать протянутую ему руку убийцы Маттеоти.

Социализм Вандервельде был еще более интернационалистическим, чем социализм всего его поколения: в рамках Интернационала находил себе до известной степени выход избыток сил, для которого тесна была маленькая Бельгия. С 1905 года Вандервельде становится председателем Интернационала и, как уже отмечено выше, покидает этот пост лишь постольку, поскольку после Гамбургского Конгресса 1923 года пост этот становится несовместимым с пребыванием в составе правительства. Но, и не состоя председателем Социалистического Интернационала, Вандервельде ни на минуту не перестает жить его жизнью и принимать самое горячее участие в разрешении всех его проблем.

В частности неустанное внимание посвящал он проблемам русского социализма и русской революции, неоднократно пытаюсь и личным вмешательством содействовать тому или иному разрешению их. Незадолго до начала войны, весной 1914 года Вандервельде, в качестве председателя Интернационала, прибыл в Петербург, чтобы помочь восстановлению единства расколотой на большевизм и меньшевизм российской социал-демократии. Результатом этой поездки был созыв при брюссельском бюро Интернационала конференции всех действовавших в пределах тогдашней Российской Империи социалдемократических партий и фракций, — конференции, плодотворная работа которой была сведена на нет лишь разразившейся войной. Вторично появляется Вандервельде в Петербурге в начале марта 1917 года, чтобы в беседах с представителями социалистических партий, возглавлявших Совет, попытаться склонить их к поддержке военной политики социалистов стран Антанты. Эта миссия не вполне удается ему, но это не мешает ему даже тогда, когда большевистская диктатура сменяет февральскую революционную демократию, делать все для защиты русской революции от блокады и интервенции и решительно воспротивиться в 1920 году пропуску через Бельгию оружия, предназначенного для воюющей с Советскою Россией Польши; и ему же удается в 1935 году добиться наконец восстановления дипломатических сношений Бельгии с Советским Союзом. Особо следует отметить его поездку в Москву в 1922 году для защиты преданных суду социалистов - революционеров (Гоца, Тимофеева, Морозова и др.), — поездку, которую Вандервельде предпринял и довел до конца с громадным мужеством, вопреки той гнусной травле и тем враждебным манифестациям, которые организовало против него советское правительство, совершенно изолировавшее его и его спутников (Вотерс и германские социалисты Розенфельд и Либкнехт) на все время их пребывания в Москве от общения с кем бы то ни было из советских граждан.

Свыше полувека политической работы стояло за плечами Вандервельде, и одновременно — свыше полу-

века теоретической работы. В 1886 году он начинает эту работу и уже к 1891 году выходит его двухтомный труд о «профессиональных организациях ремесленников и рабочих в Бельгии». С тех пор не прекращается поток книг, брошюр, журнальных и газетных статей, в которых наряду с текущими вопросами трактуются и основные проблемы пролетарского социализма. И что характерно для духовного склада того поколения, к которому принадлежал Вандервельде, возраст отнюдь не «умудряет» его в специфическом смысле этого слова, отнюдь не охлаждает его революционного пыла, не делает консервативной его мысль. Наоборот. Чем дольше он живет и работает в пролетарском движении, чем более бурным потоком проносятся перед ним события, чем стремительнее ниспровергает ход жизни старое и привычное, сменяя его новым и неожиданным, тем революционнее становятся настроения Вандервельде, тем настойчивее стремится освободиться от традиционных формул и представлений и понять катастрофическую смену явлений его пытливая мысль. Вандервельде в старости, Вандервельде, страдаемый тяжелою болезнью и усиливающейся глухотой обреченный на полу-одиночество, — более марксист, более «левый» политик, более революционер, чем Вандервельде молодых лет. В своем последнем большом труде «Альтернатива», вышедшем в 1933 году, он констатирует умирание старого, либерального капитализма и дилемму, которую это умирание ставит перед человечеством: авторитарный, диктаторский государственный капитализм или демократический социализм? — и с точки зрения этой альтернативы намечает задачи Социалистического Интернационала. И та страсть, с которою он защищал в последние годы своей жизни интересы китайской и, особенно, испанской революции, не останавливаясь в этой защите даже перед тем, чтобы поставить на карту свое положение в рядах выпестованной и возглавляемой им бельгийской Рабочей Партии, наглядно показывает, как старался ветеран социализма поднять политику и своей партии, и всего Интернационала до уровня великих революционных задач, диктуемых им революционными временами.

Задача этого подвигу ложится на плечи тех новых поколений социалистов, коорые должны завершить и довести до победы дело, начатое поколением Вандервельде. И они имеют все основания с благодарностью чтить память старого борца, который не угасил факела, зажженного свыше полувека тому назад, а, сходя в могилу, передал им его из рук в руки с заветом еще ярче разжечь его революционное пламя и сквозь вихри и бури непогоды донести его до той вершины, на которой, на развалинах старого мира угнетения, насилия, варварства, эксплуатации, будет воздвигнут наконец светлый храм освобожденного человечества.

Мне не хочется закончить эти строки, посвященные памяти одного из могикан социализма, не сказав несколько слов и о том, чем Вандервельде был лично для меня. И я не могу сделать этого лучше, как позволив себе привести полностью то личное письмо, которым я поздравил его в январе 1935 года к его 70-летию:

Дорогой Вандервельде, наша партия, как и все партии Социалистического Интернационала, воспользовалась Вашим 70-летием, чтобы чествовать в Вашем лице одного из самых выдающихся представителей бельгийского и международного социализма и выразить свое благодарное восхищение тем талантом и тою преданностью, которые Вы в течение свыше сорока лет ставили на службу нашему общему делу.

Но помимо этих официальных приветствий мне хочется выразить Вам и мои личные чувства дружбы и почитания.

Я узнал Вас впервые, как писателя, в конце прошлого века, читая в одиночной камере петербургской тюрьмы Вашу

прекрасную книгу (заглавия ее сейчас не помню) о развитии промышленности и рабочего движения в Бельгии*). Но лично я Вас впервые увидел в 1904 году, на Амстердамском международном конгрессе. Там пережил я незабываемые часы, присутствуя на заседаниях знаменитой комиссии, где с таким талантом и с такою силою сталкивались между собою мнения, различные, но все одинаково, как горные потоки, сливавшиеся в величественную реку международной социалистической мысли.

Эти прения сыграли выдающуюся роль в формировании моего собственного социалистического сознания. Они навсегда научили меня видеть в свободе и богатстве социалистических идей, хотя бы они подчас и резко сталкивались между собою, гордость Интернационала, достойного этого имени и стремящегося международно объединить организованные рабочие движения, вопреки всему различию национальных и местных условий, в которых эти движения развиваются. И вот почему Ваше имя, имя одного из выдающихся членов Амстердамского конгресса и его славной комиссии, навсегда связано в моей памяти с великими именами Гэда, Жореса, Бебеля, Каутского, Виктора Адлера, Плеханова, Розы Люксембург и столь многих других великих строителей международного социализма, по отношению к которым я сохраняю навсегда чувства благодарности, восхищения и почитания, ко-

*) Это и была упомянутая выше книга о профессиональных организациях. — Ф. Д.

С. ШВАРЦ.

Реакция переходит в наступление

Процесс оттеснения рабочего класса с социальной авансцены Советского Союза, о котором в последние годы мы не раз беседовали с читателями нашего журнала, только что косвенно нашел очень яркое выражение в ряде энергичных мероприятий социально - политического характера, которые очень больно ударили по рабочему классу. Социально - политическое развитие Советского Союза явно вступило в новую фазу. Социально - политическая реакция открыто подняла голову и приступила к широкой ревизии действовавшего, по крайней мере формально действовавшего до сих пор рабочего законодательства. Ликвидация революционного прошлого продолжается с возрастающей энергией.

Социально - политическая реакция выступает под флагом борьбы с распушенностью рабочих, борьбы за трудовую дисциплину и высокую производительность труда, под которым в разное время она выступала чуть ли не во всех европейских странах. Начатая сейчас широкая кампания открылась незначительной статейкой стахановца Уралмашзавода Королева в «Правде» от 11-го декабря о распаде трудовой дисциплины на заводе и о необходимости принятия энергичных мер к устранению этого зла. Уже на следующий день «Правда», а за нею и другие советские газеты начали печатать многочисленные статьи и письма со всех концов Советского Союза, вскрывающие чудовищную распушенность рабочих и требующие решительного пересмотра социального законодательства. Чего-чего только тут не предлагалось. Но все эти предложения сводились в сущности к одному: к принудительному прикреплению рабочих (и, конечно, и служащих) к предприятиям (и учреждениям), к уничтожению для рабочих последних остатков свободы передвижения и свободы выбора работы.

Сотни таких статей и заметок были напечатаны за истекший месяц. Подписаны они в большинстве случаев стахановцами, ударниками, мастерами, директорами предприятий, лишь очень редко просто рабочими, и совсем в единичных случаях председателями завкомов. Но за всю кампанию не было ни одного отклика ка-

торых никакие разногласия не могли и никогда не смогут ни уничтожить, ни ослабить.

С большим удовлетворением узнал я из трогательно-го послания, которым ответил мне Вандервельде, что это письмо мое, по его желанию, было включено в список тех четырех писем (три другие были от Каутского, Ф. Адлера и Леона Блюма), которые были оглашены на торжественном юбилейном чествовании его в Народном Доме.

Ф. Дан.

**

По случаю смерти Эмиля Вандервельде Заграничная Делегация РСДРП отправила Бельгийской Рабочей Партии следующую телеграмму:

Российская социалдемократия почтительно склоняется перед гробом того, кто был одним из славных основателей и почитаемых вождей современного социализма и умел до последнего вздоха высоко держать красное знамя пролетарской борьбы за мир, свободу и социализм. Траур Бельгийской партии — траур всего Социалистического Интернационала. Наш общий Патрон входит в Пантеон великих предтеч и осуществителей освобождения человечества. — Дан, Абрамович.

кого-либо профсоюзного органа: завкома, ЦК или обкома союза и пр. Как ни придавлены и обезличены наши профсоюзы, но, повидимому, даже и их руководители «кампании» из ЦК ВКП не решились предложить прямо и открыто требовать такого ухудшения социального законодательства. Или, может быть, профсоюзы у нас уже настолько оттеснены на задворки общественной жизни, что всеильному коммунистическому ЦК просто не пришло в голову «предложить» им высказаться по поднятым во время «кампании» глубоко затрагивающим жизненные интересы рабочих масс вопросам, а сами союзы не решились, конечно, по собственной инициативе вмешаться в «кампанию»?

Если поверить жалобам, которые в течение почти месяца изо дня в день раздавались со страниц советской печати, следовало бы придти к печальному выводу, что рабочие Советского Союза в массе своей состоят из ленивой черни, бездельников, лодырей, рвачей, которые только и норовят уклоняться от работы и в то же время всеми правдами и неправдами наживаться за счет предприятий и государства. Если бы это было верно, право-же, и придумать нельзя было бы более сурового обвинения против режима, который довел рабочие массы до такой глубокой деморализации. Но, конечно, это вздор, и жалобы эти основаны на грубых и тенденциозных преувеличениях. Достаточно упомянуть, что на том самом Уралмашзаводе, откуда пошло «движение», за 11 месяцев 1938 г. было 7.978 случаев прогула. «Правда» (от 22-го декабря), приводя это число, рвет и мечет по поводу распушенности рабочих. А между тем в среднем это составляет для завода в целом едва-ли более полудня прогула на человека в год. И эта недисциплинированность рабочих может оправдать общее ухудшение рабочего законодательства?!

Но если даже поверить коммунистической печати, что недисциплинированность рабочих приняла в Советском Союзе в последнее время совершенно исключительные размеры, — разве устранение этого зла действительно может быть достигнуто путем предельного усиления давления на рабочих? Или в Советском Союзе уже нуж-

но доказывать, что недисциплинированность рабочих, поскольку она наблюдается, не является их естественным, органически присущим им свойством, а коренится в экономических и социальных условиях их существования? Что преодоление этой недисциплинированности возможно поэтому не путем, или по крайней мере не столько путем усиления давления на рабочих, сколько поднятием их экономического, социального и культурного уровня? Увы, эта для всякого сознательного рабочего элементарная истина клеймится сейчас в Советском Союзе как «сентиментальничанье» и «либеральничанье».

Шумная «кампания» борьбы за трудовую дисциплину должна была подготовить общественное мнение к широкой ревизии социального законодательства. Ревизия эта, — произведенная, кстати сказать, с прямым нарушением конституции, даже без созыва советского горе-парламента, — открылась «постановлением» Совнаркома СССР от 20-го декабря, которыми введены

трудоуые книжки.

Это было очень тяжелое начало. И организаторы «кампании» отлично отдавали себе в этом отчет. Недаром в бесчисленных статьях, заметках и письмах в советской печати, которыми ознаменовалась эта «кампания», о трудовых книжках вплоть до опубликования «постановления» об их введении ни разу даже не упоминалось. Но, конечно, как только это злополучное «постановление» было опубликовано, в восторженных откликах на него не было недостатка.

Трудовые книжки отнюдь не новинка в истории социального законодательства. В свое время они были

введены во Франции законом Наполеона III (1854 г.) и завоевали прочную ненависть рабочего класса. Но они не надолго пережили вторую империю и в 70-х годах постепенно вышли из употребления; хотя и были формально упразднены только в 1890 г. Бесславна была история трудовых книжек и в Германии. В 60-х, 70-х и 80-х годах прошлого века консервативно-клерикальная реакция не раз пыталась добиться введения в Германии системы трудовых книжек, но достигла лишь частичного успеха: трудовые книжки были введены лишь для рабочих в возрасте до 21 года. Должно было пройти полвека и в Германии должна была победить фашистская диктатура, для того чтобы эта полицейская идея одержала — с изданием закона 25-го февраля 1935 года — полную победу. Сейчас Советский Союз следует этому недостойному примеру.

В некоторых отношениях наш закон о трудовых книжках даже суровее своего германского образца. «Постановление» 20-го декабря, правда, стыдливо запрещает вносить в трудовые книжки отметки о взысканиях за нарушение трудовой дисциплины; но запрещение это в значительной мере сводится на нет предписанием отмечать в трудовой книжке «причины» увольнения рабочего или перевода его с одной работы на другую, чего не допускает даже и германский закон. За утрату трудовой книжки рабочий подвергается штрафу (25 рублей). Но в законе — в отличие от германского образца — нет и следа указаний об ответственности работодателя за незаконное удержание трудовой книжки. Характерно также, что за выдачу трудовой книжки у нас с рабочего взимается плата. Правда, небольшая (50 коп.), но принципиально эта платность трудовых книжек представляет шаг назад даже по сра-

Г. Н. ГРАММАТИКОПУЛО.

К загадкам московских процессов

От редакции. Мы воспользовались пребыванием в Париже известного греческого журналиста, Г. Н. Грамматикопуло, проведенного в Советской России в общей сложности около 20 лет, чтобы просить его высказать свое мнение о загадке московских процессов, на двух из которых он имел возможность и лично присутствовать. Мнение этого вдумчивого наблюдателя будет нашим читателям тем интереснее, что московские корреспонденции его всегда обнаруживали глубокое понимание условий социально-революционного развития Советского Союза. Мы охотно помещаем обширную статью, которую он ответил на нашу просьбу.

Почему признавались на московских процессах лидеры оппозиции, правой и левой? Почему не воспользовались они «трибуной» суда, чтобы разоблачить Сталина? Что было правдой и что неправдой в том, что они говорили? Почему Сталин пошел на процессы?

На эти вопросы, не просто мучающие мировую совесть, но имеющие и громадное практически-политическое значение, до сих пор не дано вполне ясного и убедительного ответа, да вряд ли и можно будет получить его, пока не заговорят архивы или непосредственные участники сталинского террора. Однако, правильно оценивая события, предшествовавшие процессам, анализируя содержание признаний, учитывая некоторые факты, еще не вполне известные или недостаточно оцененные, и, наконец, опираясь на личные впечатления присутствовавших на процессах иностранцев, мож-

но, мне кажется, уже достаточно близко подойти к великой тайне ГПУ и понять внутреннюю механику московской инквизиции. Как увидим, раскрыть этот секрет, в его главных моментах, не так уж трудно. Чтобы ближе подойти к истине, надо только перенестись в реальные советские условия и брать факты такими, каковы они есть, без каких бы то ни было предвзятых мнений и без предварительной догматической идеализации или, наоборот, односторонне отрицательной оценки поведения главных героев великой революционной драмы.

Немного предистории.

Начну с того, что предшествовало процессам и открытому террору против партийцев.

Лет 10-12 тому назад партийная оппозиция, сначала левая, а после и правая, капитулировала перед Сталиным. Насчет характера этой капитуляции не может быть никаких сомнений. Ни левые, ни правые не отказались от своих политических убеждений. По ходу процессов, по той части признаний, которую можно считать более или менее правдивой, мы знаем, что и левые, и правые вынуждены были в ходе событий, последовавших после капитуляции, многое в своих взглядах пересмотреть, но отказаться от них вполне, придти к выводу, что правы были не они, а Сталин, они, конечно, не могли.

Тем не менее, и в момент капитуляции, и после, по первому требованию, а то и без прямого требования, самые видные вожди оппозиции не переставали в заявлениях, статьях и речах объявлять свои собственные взгляды контр-революционными, а политику Сталина и

внению с наполеоновским и гитлеровским законодательством.

Лиха беда начало. После опубликования «постановления» о трудовых книжках нетрудно было решиться на дальнейшие шаги. 28-го декабря состоялось «постановление» Совнаркома СССР, ЦК ВКП и ВЦСПС *) «о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле», осуществившее широкую программу социально-политической реакции.

«Реформа» страхования на случай болезни.

Положительной особенностью страхования на случай болезни в Советском Союзе издавна является высота пособия при временной утрате трудоспособности. Согласно Кодексу Законов о Труде пособие это должно выдаваться в размере полного заработка застрахованного. В 1931 году, правда, принцип этот был поколеблен и выдача полного пособия была обусловлена наличием у застрахованного трехлетнего общего трудового стажа и двухлетнего трудового стажа по последнему месту работы. Принципиально эти ограничения, продиктованные производственно-политическими соображениями, имели большое — отрицательное — значение, но практически они шли не очень далеко. Сейчас они развиты в целую систему, чрезвычайно болез-

*) Подписи ЦК ВКП и ВЦСПС под этим «постановлением» носят, правда, фиктивный характер, так как ни коммунистический ЦК, ни профсоюзный Центральный Совет даже и не собирались для обсуждения, а тем паче для утверждения этого постановления.

так называемого партийного большинства единственно правильной и революционной. Иными словами, ложные, их самих компрометирующие признания, так поразившие мир в той исключительно острой форме, в какой они были сделаны на процессах, фактически делались оппозиционерами в течение целого десятилетия! Обстоятельство, вполне доступное изучению и весьма облегчающее раскрытие «великой тайны» ГПУ.

Почему-же они так поступали? По сведениям, которые можно было получить в Москве, и по некоторым косвенным признакам первоначальным мотивом, побудившим оппозицию на так называемую капитуляцию, была надежда на то, что, вопреки неправильной политике руководства, революция еще сможет победить «через голову вождей»: лучше поэтому, подчиняясь их решениям, остаться дисциплинированными солдатами большевистской армии и помогать партии победить по «кривой» линии, чем гнить бесплодно в тюрьмах и в ссылке. Были-ли примешаны к этому еще заговорщические мотивы, — судить об этом трудно, и еще труднее получить какие-либо достоверные сведения. Можно лишь не сомневаться в том, что элементы заговора могли бы со временем возникнуть, если бы «кривая» все же не вывезла и ошибки руководства оказались для революции роковыми.

С другой стороны, в «капитуляции» оппозиции (точнее было бы сказать: в добровольном согласии ее подчиниться линии, которую она считала неправильной) некоторую роль сыграло, повидимому, и то, что политические разногласия между оппозицией и ближайшим окружением Сталина никогда не были столь острыми, как они казались им самим вследствие того, что, ведя дискуссионную борьбу, и те, и другие на самом деле исходили прежде всего из личного отношения к Ста-

ленно ущемляющую застрахованных и превращающую страхование на случай болезни в орудие энергичного давления на рабочие массы.

Общий трудовой стаж сейчас просто устранен из системы страхования на случай болезни. Речь идет всюду лишь о трудовом стаже в последнем предприятии (или учреждении). Идея прикрепления рабочих к предприятию получает поэтому в «реформе» страхования на случай болезни особенно резкое выражение. Право на полное пособие (100% заработка) приобретает отныне лишь после 6 лет работы в предприятии; при трудовом стаже менее 2 лет больной получает лишь 50% полного пособия, а если он «самовольно» ушел с прежнего места работы (хотя бы и с соблюдением значительно удлиненного сейчас срока предупреждения об отказе от работы) или если он уволен с прежнего места «за нарушение трудовой дисциплины», то в первые 6 месяцев работы на новом месте он в случае болезни и вовсе не получает пособия. Это неслыханное ограничение составляет подлинный «мировой рекорд» советского страхования на случай болезни. Гордиться им нашим законодателям не приходится.

Приведенные выше нормы пособия действительны лишь для членов профсоюзов. Для не-членов профсоюзов установлены дальнейшие ограничения: пособие выдается им в «половинном размере по сравнению с нормами, установленными для членов профсоюзов», т. е. в размере от 25 до — максимум — 50% полного пособия.

В «постановление» 28-го декабря внесены, правда, небольшие смягчения в пользу подростков и подземных рабочих, но в реакционном существе «реформы» они уже ничего не изменяют.

Одни верили в Сталина, другие в него не верили. Одни верили больше, другие меньше. Одни разуверились раньше, другие позже. А все вместе, в том числе и «троцкисты», не верили или не доверяли Троцкому. Вопрос о годности Сталина и негодности Троцкого в вожди отодвигал на задний план острее вопросы революции: вопрос аграрный — об отношениях между государством и крестьянством, и вопрос реальной демократизации режима. Во время дискуссии эти основные вопросы играли на деле подчиненную роль, но во всяком случае даже «сталинцы» не могли предвидеть, какую острую форму придаст им Сталин! Таким образом казалось, что, если кривая не вывезет и революция не победит «через голову» Сталина, то будет возникать реальная возможность сближения между оппозицией и «сталинским комитетом», реальная возможность безболезненной ликвидации сталинизма. А отсюда опять-таки вывод, что лучше оставаться дисциплинированным членом партии, чем (в лучшем случае) ссыльным в Сибири. Правда, здесь политика снова смыкалась с заговором: трудно во всяком случае разобрать, где кончалась одна и начинался другой. Но, если принять во внимание остроту сталинской постановки вопроса: подчиниться или исчезнуть, то абсолютно непонятного и парадоксального в поведении оппозиции нет ничего.

Как бы то ни было, все это — история старая, не имеющая прямого отношения к процессам и террору против партийцев. Значение имеет лишь то, что признания на процессах не представляли собою ничего принципиально нового по сравнению с теми признаниями, на которые шли будущие подсудимые, когда они еще не сидели в тюрьме, а некоторые из них занимали даже виднейшие государственные посты. Все эти признания были «формальными» или, если хотите, «условными». По некоторым сведениям эта формаль-

Тем же духом, что и «реформа» страхования на случай болезни, проникнута и

«реформа» страхования материнства.

До сих пор пособие по случаю родов выдавалось застрахованным за 8 недель до и 8 недель после родов (в размере пособия по случаю болезни). Еще совсем недавно постановления эти составляли постоянный предмет гордости советской социальной политики. И вдруг все и сразу точно прозрели. Гигантская волна протеста против действовавших до сих пор правил об обеспечении материнства прокатилась в последние недели по страницам советской печати и ни один голос не поднялся в их защиту. Со всех сторон начали требовать сокращения срока пособия по случаю родов, причем требование это выдвигалось в большинстве случаев женщинами и матерями. Основной аргумент в отношении дородового пособия: беременные, освобожденные от работы в предприятии, продолжают работать в своем домашнем хозяйстве. «Во время декретного отпуска каждая из нас выполняла дома порой очень нелегкую работу; и на производстве можно работать еще месяц до родов», писала группа работниц-стахановок Челябинского тракторного завода («Правда» от 25-го декабря). «Большинство женщин, получивших декретные отпуска, дома выполняют более сложную и тяжелую работу, чем на производстве. Вот, напр., я уже около месяца в отпуску, а работаю много. Почти ежедневно хожу на базар, готовлю обед, стираю белье и т. д. На 8-ом месяце беременности можно с успехом работать на производстве» (работница Воронежской швейной ф-ки Чернышева в «Правде» от 26-го декабря). Если это так, если действительно домашняя работа так

«сложна и тяжела», — а освободиться от нее беременные работницы ведь не могут, — то тем более, казалось бы, следовало бы возражать против сокращения срока освобождения беременных от работы в предприятии. — Несколько менее беспомощной кажется аргументация в пользу сокращения срока после родового пособия: развитая сеть яслей делает излишним освобождение работницы-матери от работы в предприятии на 8 недель после родов. Но разве у нас ясельная сеть получила такое развитие, что каждая работница-мать может передать в ясли своего младенца? «Правда» приводит данные для нескольких предприятий, особенно хорошо обеспеченных яслями, но даже и эти предприятия доказывают, вопреки «Правде», полную несостоятельность аргумента о яслях. Вот Трехгорная ануфактура в Москве: «Около 300 малышей получают заботливый уход в яслях». Но на фабрике работает 3.000 женщин и за 11½ месяцев 1938 г. среди них было 400 случаев родов («Правда» от 23-го декабря). Так как в яслях малыши остаются до достижения ими двухлетнего возраста и принимаются в ясли не только дети работниц, но и дети работающих на фабрике мужчин, потребность в яслях даже на «Трехгорке» оказывается удовлетворенной едва ли более, чем на 1/3. Еще хуже на Московской обувной ф-ке «Парижская Коммуна»: «Около 250 малышей обеспечены заботливым уходом в 2 яслях»; но на ф-ке работают 4.290 женщин и в 1938 г. более 550 из них рожали («Правда» от 27-го декабря). И это в Москве. Что уж после этого говорить о промадном, подавляющем большинстве предприятий, рассеянных по всей стране?

Еще энергичнее, чем требование сокращения срока пособия по случаю родов, выдвигалось во время раз-

ность и условность признания линии партии правильной, а своей собственной точки зрения контр-революционной и кулацкой Рыковым и Бухариным, напр., была даже оговорена в специальном соглашении, на основании которого имела место их «капитуляция», и аналогичное соглашение было, в той или иной форме, заключено между Сталиным и левыми. Эти соглашения оппозиционеры, левые и правые, соблюдали более или менее честно и последовательно, — правые более последовательно и решительно, чем левые. Этим и объясняется, почему оппозиционеры (стараясь, правда, избегать черезчур компрометирующих для себя формулировок) открыто признавали себя «кулацкими подголосками», а Сталина истинным революционером и зодчим социализма.

Однако, надежда на «кривую» долго не оправдывалась. А тем временем, вступив на путь борьбы с крестьянством ради выполнения плана индустриализации страны, Сталин довел эту борьбу до самых диких форм, находившихся уже в прямом противоречии со всеми заветами Ленина и даже с программой большевистской партии. От «чрезвычайных» мероприятий 1928 года, через «раскулачивание» и «сплошную» коллективизацию, Сталин довел страну до голодной смерти миллионов и до... «воспитания народа голодом». Официально об этом, разумеется, не говорилось, но наиболее наивные или твердокаменные даже тут не стеснялись: «пускай дохнут!» Эти ужасные слова (в применении к крестьянам) приходилось тогда слышать не только от безработных рядовых «партийцев», каких тогда оказалось великое множество, но и из уст одного «высоко-культурного» большевика, видного аграрного специалиста, имя которого красуется даже в сочинениях Ленина. У него нашлось и «теоретическое» обоснование столь «социалистического» лозунга: «на помещиков работали, а

на социализм работать не хотят? Пускай-же дохнут с голоду! Прав Иосиф Виссарионович!»

Дело однако не только в том, что говорили и как понимали великое бедствие отдельные кретины или бестыжие люди. Дело в том, что, пока государство смотрело на голод не как на результат своего грубого вмешательства в крестьянскую экономику (чем он был на самом деле), а как на результат крестьянского саботажа (чем он не был), оно, естественно, не хотело и не могло «поощрять» так наз. сабтаж какую-бы то ни было помощью голодавшим. Единственными мерами, принятыми в связи с голодом, оказались похоронные комиссии в некоторых южных городах, афиши с предписанием домоуправлениям убирать трупы с троттуаров, да запрещение выезжать из голодных районов: «умирайте на месте... чтобы иностранцы не видали!» Даже в царские времена выдавались крестьянам, в случаях стихийных бедствий, ссуды. Теперь, по вычислениям статистиков, на спасение каждой человеческой жизни надо было бы затратить около 5 золотых рублей. Но правительство Сталина, располагавшее налаженным транспортом, накопленными за счет народа золотыми запасами и дешевым в то время заграничным кредитом и к тому же целиком ответственное за разразившуюся катастрофу, ни одной жизни не спасло! Таковы оказались на деле сталинская «забота о человеке» и сталинский «гуманизм», в которые мы, друзья новой России, и впрямь было поверили!

Голод, раскулачиванье, концлагеря и все другие ужасы этого периода не могли уже иметь какого-либо оправдания. Они были ненужны, более того — вредны и России, и революции. Они вырыли непроходимую пропасть между народом и Сталиным. Оглушенные пропагандой партийная масса и часть молодежи могли еще верить кое-как в историческую необходимость жертв.

вернувшейся «кампании» другое ограничительное требование. До сих пор для приобретения права на пособие по случаю родов вовсе не требовалось трудового стажа. Поэтому — в порядке явного злоупотребления законом — возможны были случаи поступления беременных на работу за 8 с небольшим недель до родов со специальной целью после нескольких дней работы перейти на пособие (на 16 недель). Для устранения такого рода злоупотреблений было бы достаточно обусловить возникновение права на пособие по случаю родов определенным, сравнительно коротким общим трудовым стажем. В многочисленных откликах на этот вопрос было однако выдвинуто требование об установлении для беременных не общего трудового стажа, а трудового стажа в данном предприятии. Нашлись целые группы «работниц-стахановок», требовавшие предоставления права на пособие по случаю родов лишь таким работницам, которые проработали в данном предприятии не менее года до начала беременности (!) («Правда» от 17-го и 27-го декабря). Эти чудовищные крайности явно имели целью смягчить в общественном мнении впечатление от предстоящих ограничений.

«Постановление» 28-го декабря сократило срок пособия до 5 недель до и 4 недель после родов. Выдача пособия обусловлена 7-месячным трудовым стажем в данном предприятии. Советский Союз сам вычеркнул себя из почетного списка стран с особенно широким страхованием материнства.

Стремлением прикрепить рабочих к предприятию продиктовано и

изменение правил об отпусках.

До сих пор каждый работник имел право на отпуск — один раз в году — после работы в течение не менее 5½ месяцев у данного нанимателя. В действовавших до сих пор правилах об отпусках (от 30-го апреля 1930 г.) был предусмотрен ряд гарантий против использования отпуска — в порядке злоупотребления законом — два раза в году (в двух предприятиях). Если тем не менее в отдельных, несомненно редких случаях некоторым ловкачам и удавалось до сих пор пользоваться отпуском два раза в году, то сейчас, с введением трудовых книжек злоупотребления эти стали невозможны. Если тем не менее согласно «постановлению» 28-го декабря право на отпуск возникает отныне лишь после 11-месячной непрерывной работы в данном предприятии, то и ребенку должно быть ясно, что цель этого новшества отнюдь не в устранении лазейки для любителей двойного отпуска, а в создании еще одной цепочки, приковывающей рабочего к предприятию.

Эта политика «поднятия трудовой дисциплины» методами давления на рабочих нашла свое выражение и в ряде изменений, внесенных в

общие нормы трудового права,

точнее, в нормировку трудового договора. До сих пор работник мог расторгнуть трудовой договор (при найме на срок неопределенный) с предупреждением нанимателя за 7 дней (а при редком в Советском Союзе недельном расчете даже с предупреждением за 1 день). «Постановление» 28-го декабря удлиняет этот срок до 1 месяца. Но расторжение работником трудового договора даже и с соблюдением месячного

Но для всех мыслящих людей, и для оппозиции в том числе, уже тогда было ясно, что сталинская политика принимает характер, для которого на человеческом языке существует лишь одно слово: бандитизм! То, что заграничному общественному мнению, оптимистически настроенному по отношению к сталинскому режиму, стало ясно лишь значительно позже, в связи с процессами, то добросовестным наблюдателям Советского Союза было известно давно.

Этого не могли не видеть и вожди оппозиции. И тем не менее, они и теперь не переставали «честно» выполнять взятые на себя обязательства и славословить Сталина. В самый разгар голода, в январе 1933 года, они поднимаются, по требованию Сталина, на трибуну пленума ЦК партии, чтобы еще раз засвидетельствовать свою преданность диктатору и оправдать его политику — на этот раз уже не просто «неправильную», а явно преступную и давшую уже такие ужасные плоды. Устами Рыкова они принимают все «вплоть до паспортизации», т. е. вплоть до отказа в помощи сотням тысяч детей, умирающих на глазах у всех, до расстрелов без суда и следствия партийных товарищей, до концлагерей, до сложившегося уже тогда в инквизиторский аппарат ГПУ, до издевательских судебных комедий и моральных (да и не только моральных) пыток, до открытого грабежа даже тех грошей, которые сама советская власть поощряла трудовое население накапливать, до выбрасывания на улицу детей «кулаков» и «подкулачников», стонов и слез всего народа, явной подготовки почвы для отечественной и международной реакции.

Можно определенно сказать: именно тогда, именно этим ужасным самоотречением оппозиция заранее лишала себя всякого морального права на самозащиту, если бы Сталину вздумалось в будущем про-

тив нее самой направить выкованный им аппарат насилия и смерти.

Абсолютный тупик.

Забегая вперед, можно сказать с уверенностью, что именно в этом самоотречении оппозиции следует видеть одну из главных причин признаний, сделанных на московских процессах.

В статье анонимного «приезжего из России», напечатанной недавно в русской и французской прессе, делается попытка объяснить поведение Бухарина и Рыкова на процессе тем, что в 1927 году они сами требовали полного подчинения большинству от Каменева и Раковского, угрожая «мокрого места не оставить» от всех оппозиций: из этой де петли Бухарин и Рыков вырваться уже не могли. Однако, через год после этих угроз Бухарин все же пошел к Каменеву и предлагал ему союз. И с другой стороны, было бы неправильно толковать фразу о «мокром месте» черезчур буквально. Если бы «палка власти» и оказалась в их руках, Бухарин, Троцкий, Каменев и др. вряд ли смогли бы заставить своих политических противников «признаться» в несовершенных преступлениях, чтобы получить юридическую возможность палаческой расправы с ними: надо признаться, что способным на это казался один Сталин.

Поэтому, если бы вся вина и вся драма Бухарина заключались лишь в том, что он когда-то требовал от Каменева безусловного подчинения большинству, то ему ничего не стоило бы сказать на процессе, что он не хочет повторять ошибки, которую совершил десять лет тому назад. И совсем другое дело — сказать, что он десять лет подряд славословил политику, которую считал гибельной, и только теперь, когда его ставят к стенке, готов об ее гибельности заявить;

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературно-революционные портреты

2. Михаил Зощенко.

В современной советской литературе имеется только один писатель, с чьим именем у читательской публики неизменно связывается представление, как о «веселом» писателе, «короле смеха» — это Михаил Зощенко. «Веселый» писатель, как это нередко бывает с большими юмористами, в действительности почти ипохондрик, а его «веселый» вклад в искусство в недалеком будущем станет одним из очень серьезных источников для изучения духа революции и психологии людей на переломе двух больших эпох.

Эту, совсем непростую, роль Зощенко в литературе хорошо почувствовал один из немногих действительно талантливых советских критиков, В. Шкловский: «Зощенко — человек небольшого роста. У него матовое, сейчас желтоватое лицо. Украинские глаза. И осторожная поступь. У него очень тихий голос. Манера человека, который хочет очень вежливо кончить большой скандал».

Как и большинство советских писателей Зощенко пришел в литературу из гущи всколыхнувшейся жизни. До того как стать литератором он переменял чуть не 12 профессий: был прапорщиком в мировой войне, красноармейцем в гражданской, старшим милиционером, инструктором по кролиководству и куроводству, агентом уголовного розыска, стюардом, сапожником и т. д. Успех пришел к нему сразу с появлением «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова» (1922 г.). На-

зар Ильич — «военный мужичок», бывший крестьянин, потом солдат мировой войны и, наконец, дезертир и шатун по свету. Его рассказы о своих переживаниях на войне и после того, как «ход развития» его жизни «пошатнулся», — бестолковы и сбивчивы: события, свидетелем которых он является так сказать вполне «мирового масштаба», но Синебрюхов явно «не освещен» в их смысле. Но несмотря на сбивчивость и незначительность личных переживаний Назара Ильича — от его рассказов нельзя оторваться. Секрет их успеха в том, что функцию самой занимательной фабулы несет в них язык самого рассказчика: это смесь простонародного диалекта с наскоро и жадно усвоенным литературным языком. По всему своему облику Синебрюхов — представитель того многомиллионного российского мешанства, которое до революции прозябало где-то на окраине жизни и которому в один прекрасный день революция дала под микитки, выбросив его на середину улицы со словами: А-ну, действуй, братишка!

С самого начала своей литературной деятельности Зощенко заинтересовался массами городского трудового люда. До революции они жили как «ходячие растения». Пришла революция, они приняли в ней активное участие. Но в силу многих и сложных причин на практике им трудно было использовать победу даже для своего приобщения к культуре. Ни в одной области не проявлялся этот феномен так отчетливо, как именно в литературе и в публицистике. Здесь сконцентрировались бо-

Вернемся однако к прерванному рассказу о том, что предшествовало московским якобы-процессам над оппозицией.

«Стабилизация» и «удар в спину».

Осенью 1933 года голод удалось преодолеть. Многие факторы сделали возможной эту «пиррову победу»: великое терпение, дисциплинированность и трудолюбие народов России, покорность оппозиции, не пожелавшей использовать острый и за все время революции единственный момент, когда она могла бы поднять народные массы, победа Гитлера в Германии, заставившая сплотиться колеблющихся вокруг сталинского правительства, некоторые, хотя и недостаточные, уступки крестьянству, замена убыли в рабочей и тягловой силе большим количеством отправленных в деревню машин и, наконец, великолепный урожай, позволивший собрать хлеб даже там, где не было сеяно и где за прошлый год осыпалось неубранное зерно.

Вместе с хлебом начали возрождаться и надежды на «кривую». Теперь, казалось, страна и впрямь выходит из тупика. Цены на базарах, а после этого и в государственных магазинах, начали падать, покупательная способность рубля поднималась, росла заработная плата, отменены были карточки, закрылись «торгсины», обесценивавшие рубль. Страна вздохнула свободнее. Разговоры о «веселой и зажиточной жизни» при средней зарплате в 200-250 рублей звучали, конечно, издевательством над народными массами, но систематическое, хотя и медленное улучшение материального положения открывало кое-какие перспективы. Потерянная была вера молодого поколения и партийной массы в Сталина и его ЦК начала возрождаться, партийные кадры снова сплотились, жертвы как будто оправдали

себя. Производство крупной промышленности и строительство шли в гору. Все эксперименты как будто кончились, колхозы дали долгожданный хлеб, они завтра дадут и сырье, будет мануфактура и дешевая обувь!

Крупные изменения шли после преодоления голода и в области быта и культуры. Пошла не безрезультатная пропаганда за укрепление семьи, за здоровую любовь, за пристойное поведение молодежи, за уважение к родителям. Были ликвидированы некоторые изжившие себя «анти-мешанские» предрассудки, а в системе образования — почти все эксперименты и нововведения, мешавшие правильному обучению; разрешили «родину», сначала только «социалистическую», а через некоторое время и просто «родину» с ее традициями, историей и памятниками; стали появляться действительно образованные молодые люди, и были предоставлены реальные возможности получать высшее образование тем, кто хочет его получить, начал расти интерес молодежи к знаниям и технике. Словом, по всей стране прошла волна настоящего под'ема и патриотизма, подобно тому, как это было во времена нэпа. Доверчивое новое поколение России расположено было снова простить и поверить.

Под'ем патриотических настроений и чаяний (я имею в виду главным образом молодое поколение и меньше всего старое крестьянство, в котором насильственная коллективизация навсегда убила «советский» патриотизм) являлся, кроме всего остального, следствием и той разительной перемены, которая произошла во внешнем положении Советского Союза. Вступление в Лигу Наций, восстановление отношений с Америкой, договоры с Францией и Чехословакией, перспективы соглашения с Англией, — все это не просто импонировало, но соответствовало новым, уже пробывавшимся, хотя и не

лее интеллигентные силы страны, но, как это часто бывает в отсталых странах, самый путь в интеллигенцию сопровождался известным разрывом с непосредственной жизнью низов. В то время как в начале революции большинство писателей и особенно публицистов было поглощено освоением самых модных западно-европейских литературных форм, — простой народ все еще не владел грамотной литературной речью.

Со всей силой своего таланта выступил Зошенко «аблакатом» этих живых трудовых масс народа. Конечно, об чем говорить — персонажи, действительно, взяты невысокого полета. Не вожди, безусловно. Это просто, так сказать, прочие граждане, с ихними житейскими поступками и беспокойством». Но писатель совсем не конфузится своих неважных «героев»: «Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни» («М. П. Синягин»). Так создались рассказы Зошенко, объединенные в сборники «Аристократка», «Нервные люди», «Уважаемые граждане», «Бледнолицые братья» и др.

Из совокупности этих рассказов (их наберется свыше тысячи) встает пореволюционный город. Революция кончилась. Но ее дыханием еще полон воздух. Страшная бедность, нищета города и страны бьет в глаза на каждом шагу. Она существовала эта нищета, конечно, и прежде, но прежде ее тщательно скрывали, сейчас она вся на виду. Революция лишила бедность того качества, которое сопутствует ей во всем мире: она освободила ее от гнетущего тайного стыда за себя. Бедность у Зошенко не только не стыдная, а даже чуть-чуть озорная, словно его бедняки говорят: мы в этой бедности ничуть не

виноваты! Выставляя ее на показ, Зошенко как-будто говорит по адресу властей предрержащих: вы там, которые наверху, не очень то разоряйтесь по части грандиозных планов, больше себе под ноги глядите!

Трудовой люд в этом пореволюционном городе живет опять на окраине жизни, но старой демаркационной линии, отделявшей в прежнем обществе богатых от бедных, больше нет или, вернее, еще нет: отсюда у бедных людей Зошенко нет чувства своей социальной угнетенности. Зошковский пореволюционный город похож на нищего в сияющий солнечный день, его люди бедны какой-то оптимистической бедностью. Только очень молодой или потенциально очень богатый народ может так бодро нести свою бедность.

Наряду с маленькими рассказами Зошенко принадлежит еще серия повестей, которую хочется выделить. Правда, сам Зошенко всегда сердится, когда его повести рассматриваются отдельно: «И повести и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой. И у меня нет такого тонкого подразделения: вот, дескать, сейчас я напишу собачью ерунду, а вот повесть для потомства» («О себе, о критиках и о своей работе»). Эти повести надо выделить, конечно, не потому, что они лучше мелких рассказов (иногда оне-то именно слабее), а оттого, что в каждую из них вкраплен отрывок очень знаменательного диалога писателя со своей эпохой, в целом представляющий большой общественный интерес. Никто, кроме, пожалуй, А. Толстого, не думал так много, так серьезно, а порой и страстно над новыми путями литературы, над новым читателем, как именно Зошенко. Мысли этих двух писателей с самого начала были во многом полярны друг другу. Ход развития революции

вполне осознанным демократическим стремлениям молодого народа. Когда уезжал из Москвы Лаваль, ГПУ на автомобилях подвезло на Белорусский вокзал переодетых чекистов, устроивших ему «овацию». Но я уверен, что, если бы пустили туда настоящий народ, овации получились бы куда более внушительные: в поездках Лавала, Идена, Бенеша в Москву передовая часть нового поколения России увидела «настоящее» на сей раз признание Советского государства, признание его таким, каким оно должно быть, — фактором мира и демократии. Мысль о союзе с демократическими странами и во имя демократии одушевляла куда больше, чем давно забытый и абстрактный революционно-наступательный «интернационализм». В полную и близкую осуществимость возвещенной демократической конституции никто особенно не поверил, но и она прозвучала великим обетованием... Впрочем, подробнее об этом — ниже. Вообще-же настроение молодого поколения складывалось в это время так: жить еще трудно, но главные трудности уже позади; все ошибки проделаны, все эксперименты испробованы, революция кончилась, и теперь надо укреплять то, что себя оправдало, и устранять то, что себя изжило. Это как раз и делает Сталин. Впереди могут быть только улучшения. Не хватает еще, правда, настоящей «свободной самокритики», но и это со временем придет, — Сталин обещал! А если фашисты попытаются помешать тому, что достигнуто с такими лишениями и жертвами, — их ударят по рукам: за такую родину стоит воевать!..

Так думала летом 1936 года молодежь России. Но не совсем так думал Иосиф Сталин: в тот самый момент, когда, казалось, история накидывает пелену забвения на все, содеянное им до тех пор, он готовил самое ужасное и страшное! Советский экс-генерал Кривицкий рас-

сказал, что в Кремле задолго перед этим знали, что Сталин собирается физически уничтожить оппозицию. К сожалению, он ничего не говорит о том, почему Сталин пришел к такому решению. Во всяком случае в видимых оснований к тому как будто не было, и процессы оказались полностью неожиданностью не только для населения и самой партии, но и для нас, обычно скептической иностранной публики, которые, перед лицом расцветающего народного патриотизма, готовы были еще раз закрыть глаза на прошлое и поверить в благие намерения сталинского режима.

«Эпоха нормализации и стабилизации», как некоторые из нас, не без молчаливого одобрения Отдела Печати, называли тогда время, наступившее после преодоления голода, не разрешила, конечно, указанных выше основных вопросов новой России. Но противоречия ушли как то вглубь. Можно было еще надеяться на их постепенное преодоление. Но вместо этого получился исключительной силы взрыв, потрясший не только Россию, но и весь мир*). Почему это произошло? Почему Сталин инсценировал процессы? Почему он влил такую бочку горячего масла в затухавший было костер?

Если говорить в общей форме и судить на основании общих политических оценок и более или менее известных фактов, то, кажется, наиболее правильно будет ответить на этот вопрос так: Сталин не предвидел последствий «пробного кровопускания», предпринятого им

*) Стоит отметить некоторые, не только символические совпадения! Война в Китае началась сейчас-же после расстрела Тухачевского. Германские войска вступали в Австрию в тот самый день, когда в подвалах ГПУ расстреливали Бухарина и Рыкова. А когда над миром гремели ультиматумы Берхтесгадена, Годесберга и Мюнхена, в Москве были заняты устранением Блюхера.

привел к победе Толстого. Но поражение Зошенко в этом состязании лучше многих отвлеченных рассуждений введет читателя в живую социально - психологическую проблематику русской революции.

«Фу, трудно до чего писать в литературе! Потом весь изойдешь, покуда продерешься через непроходимые дебри», маскируясь под незадачливого литератора, вздыхает Зошенко («О чем пел соловей»).

«Трудно писать в литературе» потому, что, с одной стороны, нет жития от официальной критики, непременно требующей сногшибательных «героев» и «ураганной идеологии». Неменьшая трудность лежит в новом читателе. Один Зошенко не побоялся сказать то, что есть: за небольшими исключениями советская литература нэпа и еще больше эпохи пятилетки — не пользуется популярностью у массового читателя: «Читатель пошел какой-то отчаянный: накидывается он на французские и американские романы, а русскую отечественную литературу и в руки не берет». Происходит это оттого, что советская литература «уныла», «вместо веселых и радостных приключений описываются кровавые стычки из эпохи гражданской войны, либо вообще чего-нибудь описывается, от чего клоешь носом» («Веселое приключение»).

Но главная причина непопулярности советской литературы по мнению Зошенко лежит в том, что читатель хочет почувствовать в произведении «этаким стремительный полет фантазии, этаким сюжет чорт его знает какой». Зошенко вовсе не отрицает того, что в русской действительности существуют «большие темы», скажем, революция, но здесь то и получается «опять-таки запятая»: «Стремительность тут есть. И есть величественная фантазия. А попробуй ее описать: ска-

жут, неверно. Неправильно, скажут, научного, скажут, подхода нет к вопросу. Идеология, скажут, не ахти какая... Эх, уважаемый читатель! Беда как плохо быть русским писателем!» («Страшная ночь»).

Многое из того, что заметил Зошенко, видел и А. Толстой. Но из одних и тех же фактов оба писателя приходили к разным, иногда противоположным выводам. Новый читатель по мнению Толстого (см. предисловие к «Черной пятнице») утерял старую культуру и не приобрел новой, поэтому основная задача писателя в его представлении должна была сводиться к шефствованию над читателем, шефствованию, конечно, уму и осторожному.

Глубоко-демократическому по всему своему мировоззрению Зошенко была чужда эта концепция вождизма. Писатель в представлении Зошенко не вождь, а интерпретатор, посредник, облегчающий народным массам их приобщение к культуре. Вот почему он с самого начала больше, чем кто-либо из его современников, потратил так много усилий на создание языка, доступного широчайшим народным массам. Этой работой над литературным языком, доступным низам, Зошенко на деле, а не в пышных речах закреплял победу этих трудящихся масс в революции.

Себя Зошенко причисляет к школе «натуралистов»; по его глубокому убеждению эта школа является «единственно честной», которой принадлежит «все будущее изящной русской литературы». Здесь тоже был заложен повод для длительного конфликта Зошенко с официальной критикой. Во всеоружии «марксизма-ленинизма» эта критика начисто отрицала художественный реализм в литературе, показ «живого человека» был ей опасен,

для парализации тех вредных последствий, какие могла иметь для него новая конституция, на которую он, по видимому, пошел не по своей инициативе, — как не предвидел он в свое время последствий «сплошной», г. е. принудительной коллективизации. Он переоценил силу тех преступных политических методов, в духе которых в течение пятнадцати лет воспитывал партию. Он не думал, что партия способна еще протестовать, и что, в силу этого ему придется идти по начатой кровавой стезе гораздо дальше, чем он, быть может, вначале сам предполагал, придется вонзить нож в спину своего собственного творения — самой партии. Или, быть может, он даже не знал, что в него серьезно верили, и что этой верой, а не одним террором, он был силен?..

Августовский процесс.

В красивом, небольшом, белом с мягким зеленым оттенком концертном зале, расположенном на третьем этаже Дворца Профессиональных Союзов, — того самого, где ровно 15 лет тому назад лежал мертвый Ленин, и где тогда перед его гробом Сталин клялся хранить, «как зеницу ока», единство партии, — теперь, в августе 1936 г., по требованию того-же Сталина, первая группа доживших до этого рокового момента учеников Ленина согласилась предстать в качестве «подсудимых» перед «пролетарским судом» («великодушным», по выражению одного из них — Каменева) и, сознавшись в несовершенных преступлениях, покорно склонить головы перед гильотиной революции.

Уже появление «подсудимых» в зале произвело на нас, журналистов, обязанных присутствовать на этом кошмарном зрелище, огромное впечатление. Они выходили из маленькой боковой двери за председательским столом, покрытым на этот раз почему то зеленым сук-

ном, а не красным, как это принято в советских судах. Медленно, чередуясь с караульными, они направлялись к передней части эстрады, где стояли предназначенные для них четыре ряда стульев. Впереди шел Зиновьев, худой, бледный, с потухшими глазами, с видом явно больного человека. Его густая, когда-то непокорная шевелюра теперь поредела и поседела. Он еле двигался, и когда ему указали его место — второй от зрительного зала стул в первом ряду, он опустился на него с чувством облегчения, вздохнул, опустил руки на колена и равнодушным взглядом обвел публику. Зиновьев был плохо одет. Старый, темный костюм и белая, мягкая, без воротника и галстука рубашка еще больше подчеркивали вид человека, которому все надоело и который думает лишь об одном: скорее бы конец! Когда он через некоторое время начал говорить, трудно было разобрать его слова: похоже было на то, как будто голос этот выходит уж из могилы...

Третьим или четвертым вошел Каменев, красный, как рак, — не то от гнева, не то от позора, здоровый, стриженный, и хотя явно затравленный, но все-же хранивший привычный ему вид профессора, попавшего не на свое место — сначала в руководстве революцией, теперь в ее жерновах. Его посадили подальше от публики, на четвертом месте второго ряда, но все-же можно было следить по его лицу за его переживаниями. Каменев страдал и не мог скрыть этого. Он часто напрягал усилия, чтобы не разрыдаться. Прокурор как-то грубо обратился к нему с одним из своих обычных издевательских вопросов. Каменев резко оборвал его: я вам не даю права вмешиваться в мои моральные переживания! В другой раз он крикнул прокурору: вы не можете запретить мне мыслить, и пока мой череп цел, он будет мыслить! Порой казалось, что Каменев вот-вот «провадит» процесс: по видимому, он не совсем убедил себя в

потому что разоблачал беспочвенность «ураганной идеологии» о «пролетариате-гегемоне», попутно раскрывая классовую природу нового общества и тенденции вырождения революции. Не будучи «марксистом», Зошенко чутьем художника почувствовал в революции ее демократический, плебейский пафос и всей душой прилепился к ней: «Пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, «неописуемых» людей. Эти люди до революции жили, как ходячие растения. А сейчас они, худо-ли хорошо — умеют писать и даже сочиняют стихи. И в этом самая большая и торжественная заслуга нашей эпохи. Вот в чем у меня никогда не было сомнения» («Письма к писателю», 1930 г.).

Продолжая свою полемику с официальной критикой, Зошенко писал там-же: «Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица. Я сделал это не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей... И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным, интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее, дописывают. Дописывают так, как будто в стране ничего не случилось». Да, Зошенко хотел взорвать традицию дворянско-буржуазно-интеллигентского стиля, господствующего в русской литературе с начала XIX века. В этом и заключался тот «большой скандал», который он — как верно почувствовал Шкловский — собирался «вежливо» учинить. Зошен-

ковский язык — результат громадной работы художника над созданием живого моста к толщам «прочих граждан». И надо сказать, «прочие граждане» не остались в долгу перед писателем. Он — единственный советский писатель, до недавнего времени не испытывавший читательского кризиса.

«До недавнего времени» — не обмолвка. Ни для кого не секрет, что за последние годы, — примерно, с 1934 года и начала «веселой и зажиточной жизни», — Зошенко начинает сходить со сцены, топтаться на месте, автор выражения, смешившего целое поколение — «несозвучный эпохе» — он сам становится «несозвучен» (см. «Голубая книга»).

О причине «несозвучности» Зошенко новой эпохе, рождающей в нем чувство неуверенности в себе, догадаться нетрудно. В цитированной уже статье «О себе, о критиках и о своей работе» Зошенко писал: «Есть мнение, что сейчас заказан красный Лев Толстой. Видимо, заказ этот сделан каким-нибудь неосторожным издательством. Ибо вся жизнь, общественность и все окружение, в котором живет сейчас писатель, заказывают конечно же не красного Льва Толстого. И, если говорить о заказе, то заказана вещь в той неуважаемой, мелкой форме, с которой, по крайней мере раньше, связывались плохие литературные традиции. Я взял подряд на этот заказ... Фраза у меня короткая, доступная бедным. Может быть поэтому у меня много читателей».

Увы, анонимное «неосторожное издательство», над которым в 1927 году посмеивался Зошенко, оказалось более дальновидным, чем писатель. Развитие последних лет на каждом шагу подтверждает правоту «неосторожного издательства»: заказ слан на исторический

том, что все это нужно, неизбежно, не позорно. Произнося свою последнюю речь, он вдруг замолчал. Прошли две-три минуты напряженного, жуткого молчания. Похоже было на то, что он сейчас сорвется... Но Каменев опять сдержал готовые хлынуть слезы и решительно заговорил — об испанском пролетариате, которому процесс как будто что-то должен дать, о великодушии Сталина и пролетарского суда, которые де столько раз его «прощали», и о своих детях, к которым он, «не имея к тому другой возможности», обратился тут-же с призывом бороться под знаменем Сталина... На зрительный зал Каменев, кажется, не посмотрел ни разу.

Поближе к публике, на первый стул второго ряда посадили Евдокимова. У него тоже был здоровый, свежий вид. Он мало изменился за годы ссылки и тюремного заключения. Лет десять тому назад он жил в одной со мною гостинице в Москве, куда был выслан из Ленинграда, и мы часто встречались в коридоре и в парикмахерской. Он любил шутить. Я как-то спросил его, скоро-ли вернется он в Ленинград. Он ответил: «выздоровливаю»; когда кончится лечение, тогда и вернусь. Но лечение должно было закончиться лишь теперь — казнью. Евдокимов ждал ее спокойно. Но с его красного мужичьего лица исчезла привычная улыбка.

Самое сильное и прямо-таки величественное впечатление производил на первом процессе Иван Смирнов. Его посадили позади всех, в четвертом ряду, между двумя явными провокаторами. Но Смирнов был высокого роста, и его замечательная голова все-таки была видна: худое, строгое с проседью лицо и черные, живые глаза, внимательно и спокойно следившие за всем. Никаких моральных переживаний на этом лице

прочитать было нельзя. Он говорил презрительно, спокойно, величаво. Даже говоря неправду, он производил впечатление человека, ставящего этой неправде точный предел. Он, как и другие, взял кривую линию, но более короткую, более близкую к истине. В этом было его преимущество. Не так уже связанный разными показаниями, он мог капитулировать на более выгодных для себя условиях. Смирнов держал голову гордо и высоко. Может быть, то было его природное свойство? Но здесь эта осанка приобретала какой-то символический смысл. Между частичными признаниями Смирнова и полными других не было принципиальной разницы. И те, и другие были выражением убеждения, что так следует поступать, и те, и другие были добровольными. Но, будучи ближе к правде, Смирнов мог свободнее говорить на довольно понятном, политически осмысленном языке. Поэтому только он напоминал революционеров другой эпохи и другой школы, которые, действуя или умирая, могли служить лишь своей идее, не считаясь с какой-то безвыходной диалектикой политической казуистики и организационных обязательств. Только Смирнов отвоевал себе право на трагическую красоту перед лицом смерти...

Так началась первая... уголовно-процессуальная партийная аранжировка, в которой «подсудимые» обязаны были выступать с особого рода политическими декларациями, «окончательно разоблачающими Троцкого», в борьбе против которого они должны были, по требованию «партии», быть готовыми на все. С момента, когда, после прочтения обвинительного акта, раздалось первое «да», и до последних минут, когда, стоя уже одною ногою в могиле, подсудимые произносили свои последние речи, мы, иностранцы, не из числа тех, которые присутствовали здесь лишь для того, чтобы выступить потом апологетами чекистских порядков (бы-

эпос о восхождении к власти привилегированного слоя советского общества в стиле советского барокко. Подряд на этот заказ пока выполняет Алексей Толстой. О вкусах масс сейчас больше не спорят, ведь лозунг сегодняшнего литературного дня — повышение художественного качества!

Зошенко остался верен тому, чему служил: он остался верен широкому демократическому читателю: «Я — пролетарский писатель. Вернее я пародирую того воображаемого писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде... Я только пародирую. Я временно замещаю пролетарского писателя» (1927 г.).

Р. АБРАМОВИЧ.

Война и мир на пороге Нового Года

Только завзятые астрологи могут всерьез связывать политические события с календарными датами. Но по воле случая как раз грань между 1938 и 1939 годом совпадает с эпохой перелома в развитии международных отношений во всем мире.

На протяжении всего гигантского пространства, по которому проходит извилистая ось Токио-Берлин-Будапешт-Рим, от Желтого моря до Бискайского залива, от Северного моря и до мыса Доброй Надежды, на всем трансконтинентальном фронте наступления агрессивного тоталитарного фашизма, стремящегося к переделу мира, пришли в движение, сдвинулись и зашевелились границы, созданные при ликвидации мировой войны. Титаническая борьба между Японией и Китаем на Дальнем Востоке на побережья Тихого океана; глухое бро-

Реально существовавшие в советской литературе пролетарские писатели и критики-марксисты почувствовали в Зошенко друга и союзника тогда, когда было уже поздно, когда сами они, распыленные, растерявшие свои темы и аудиторию, попали на буксир официальной «общественности».

Сегодняшней бюрократии не нужен Зошенко. Прodelав процесс своего отрыва от народных низов, она сегодня учится хорошим манерам, хорошему «языку», на котором писали верхи старого общества, и который так ненавистен Зошенко. Похоже на то, что у него уже нет сил бороться, но ему претит и приспособленчество к новым вкусам. Здесь источник глубокого чувства неуверенности в себе у этого большого, честного, насквозь демократического писателя.

жение и подготовка новых вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, во всем арабско-исламском мире, в котором итальянская и германская пропаганда пытаются найти зацепки против Англии и Франции; прекращающиеся подземные толчки в Центральной Европе — последствия геологического переворота, произошедшего в Чехословакии в сентябре-октябре; присоединение Венгрии к анти-коммунистическому пакту и глубокая перегруппировка сил на Балканах под давлением экономической и политической инфильтрации Италии и Германии; «невральгическая полоса», идущая оттуда через Прикарпатскую Русь и Румынию к Советскому Союзу, и бросающая вперед грозную тень грядущих событий на Украину, на берега Черного моря, достигая Кавказа. Но в полосе острого конфликта и

ли и такие!), чувствовали себя перенесенными в какой-то фантастический мир, где ложь и правда, причудливо переплетаясь, до того гипнотизирующе на нас действовали, что мы моментами окончательно теряли чутье действительности и готовы были подчас думать, что все это правда, что иначе и быть не могло. Но стоило выйти из судебного зала, освежить на воздухе голову, — и мозг начинал снова работать нормально: нет, это неправда и правдой быть не может!

Почему? Какие у нас были доказательства? Так спрашивают нас сталинские апологеты вместо того, чтобы потрудиться самим доказать подлинность «признаний», противоречащих всем известным фактам. С одним из них, немецким писателем Фейхтвангером, дошедшим в своей защите сталинского правосудия «от несправедливых критиков и скептиков» до смехотворного утверждения, что сомнение в справедливости вынесенных приговоров может возникнуть лишь у того, кто не был в зале суда, придется еще поспорить, чтобы показать истинную ценность его «аргументов». Пока же ограничусь упоминанием одного, чрезвычайно важного инцидента, имевшего место в начале августовского процесса, дающего, по моему мнению, ключ к пониманию всех процессов и заранее сводящего на нет все потуги платных и бесплатных адвокатов ГПУ.

Эпизод этот заключается в следующем. После чтения обвинительного акта председатель суда задавал каждому из подсудимых в отдельности вопрос, признает ли он себя виновным. Когда очередь дошла до Зиновьева и после до Каменева, и тот, и другой, ответив «да», тут-же спросили председателя, получил ли он их заявления — не то от 15, не то от 16 августа, т. е.

сделанные непосредственно перед тем, как в печати появилось сообщение о предстоящем процессе. Закончив получение ответов от всех других подсудимых, председатель Ульрих, перебрав свои бумаги, недовольно, но вполне отчетливо проронил: «п о д с у д и м ы е З и н о в ь е в и К а м е н е в, в а ш и з а я в л е н и я п о л у ч е н ы».

В дальнейшем, в течение всего процесса об этих заявлениях не упоминал никто — ни Ульрих, ни подсудимые. Между тем, по процессуальным правилам, председатель обязан оглашать все документы, к нему поступающие. Тот же Ульрих строго придерживался этого правила в других случаях, напр., на процессе Штерна и Васильева. Но этот раз он о процессуальном кодексе забыл. Забыли о нем как будто и подсудимые, и не думавшие протестовать против его нарушения. Почему? Объяснить эту загадку можно лишь одним: допустив, что в заявлениях Каменева и Зиновьева и говорилось об условном характере их «признаний». Они просто хотели узнать, известны ли председателю суда эти заявления, и, получив утвердительный ответ, на этом успокоились и «признавались» после этого совершенно спокойно. Оглашению документы не подлежали — по обоюдному соглашению обеих сторон.

Впрочем, впоследствии мне удалось получить вполне авторитетное подтверждение такого объяснения. К сожалению, по некоторым обстоятельствам не могу еще рассказать о тех условиях, при которых это подтверждение было получено.

(Продолжение следует).

будущего размежевания входит и весь бассейн Средиземного моря от Додеканоса до Балеарских островов и Пиренейского полуострова, в который упирается самый западный конец тоталитарной оси.

**

В 1938 году наивно-пацифистские массы демократических стран могли еще искренно верить, что притязания гитлеровской Германии движутся в пределах «самоопределения» судетских или австрийских немцев, и что, пойдя на известные уступки в этом отношении, можно обеспечить длительный мир в Европе. Ныне, после балканских и украинских планов Гитлера, после присоединения к оси Венгрии, после итальянской кампании, направленной против самого существования французской Империи, после открытой и наглой интервенции итало-германского блока в Испании, прежние наивные иллюзии более уже невозможны. Трагическая истина предстает перед миром во всей своей ужасающей наготе: тоталитарный блок «пролетарских», неудовлетворенных империализмов ставит в порядок дня передел мира, идет штурмом на владения и позиции успокоившихся в своем благополучии, отяжелевших, «разленившихся» демократий, неся с собой не только «новую карту мира», но и иго неслыханного рабства, уничтожение всех моральных и политических основ нынешней цивилизации, построенной на свободе и равенстве.

Старые владыки мира должны, наконец, решить, собираются-ли они уступить без боя свое место новым претендентам на мировую гегемонию, или же они будут за свои исторические позиции бороться. Между тем последние годы и даже еще последние месяцы тем и были особенно характерны, что при решении этого кардинальнейшего вопроса правящие классы Англии и, в особенности, Франции не могли до сих пор проявить ни ясного, определенного настроения, ни твердой воли, ни решительности. Гонка вооружений в самом бешеном темпе, свидетельствующая как будто о решимости к борьбе, идет рука об руку с безхарактерной сдачей важнейших стратегических и политических позиций, уступка которых противнику равносильна потере десятков армейских корпусов и многих тысяч аэропланов. Без единого выстрела Германии передается перво-классный чехословацкий бастион, из форпоста Франции превратившийся после Мюнхена в плацдарм для германского наступления на Балканы и Советский Союз. Безвольно и бездумно в руки Муссолини и под контроль его союзников по «оси» передается пиренейская граница Франции и важнейшие артерии имперских путей Франции (да отчасти и Англии), в то время, когда самая значительная, но целеустремленная энергия могла бы в 1936, да и еще в 1937 г. предотвратить этот печальный исход.

Но, проявляя поистине толстовское непротивление злу тоталитарной агрессии, так наз. демократические страны не могут даже утешать себя тем, что этой дорогой ценой они покупают себе мир. Ибо если в сентябрьские дни еще можно было, при достаточной дозе самоослепления, надеяться, что Мюнхен обеспечил мир на «целое поколение», то теперь уже все видят и понимают, что сделанные уступки не только не отдалили опасности войны, но наоборот только еще больше раздразнили аппетиты агрессоров и тем сделали опасность войны еще гораздо более реальной.

Социалистический съезд в Монруже уже был очень далек от сентябрьских настроений. А последние дебаты о внешней политике во французской палате депутатов показали, что процесс отрезвления захватил уже очень широкие круги и буржуазных классов, и если бы события в Испании не приняли как раз в эти решающие дни

такого катастрофического оборота, то мыслимо, что эти дебаты привели бы к изменению испанской политики Франции. То, что сейчас происходит в Европе, — это состязание на скорость между агрессией тоталитарного блока и процессом внутренней эволюции демократических стран от тактики уступчивости и пособничества по отношению к мировому фашизму к политике твердой и решительной борьбы против фашистской оси. Если эта внутренняя эволюция не завершится во время и запоздает по отношению к завоевательным планам Берлина, Рима и Токио, то судьба мира решена и мировое господство фашизма со всеми вытекающими из сего последствиями для демократии и социализма непредотвратимо.

**

На одном и чрезвычайно важном участке мирового фронта борьбы между фашизмом и демократией, последняя повидимому уже потерпела сокрушительное поражение. Мы имеем в виду И с п а н и ю.

Героическое единоборство между невооруженными народными массами, которым по трагическому недоразумению европейская и мировая демократия отказали в сколько-нибудь существенной поддержке, и между испанской реакцией, не только имевшей в своих руках почти весь военный и гражданский аппарат управления страны, но с первого же момента пользовавшейся почти неограниченной материальной и военной поддержкой тоталитарных государств, подходит к своему трагическому финалу. Революционный энтузиазм рабочих масс и крестьян, самоотверженность демократической интеллигенции, притягательная и организующая сила социалистических идей, — все те высокие доблести, которые проявила испанская революция, оказались не в состоянии заменить в этой отсталой стране отсутствующую экономическую организацию, военную и организационную технику и недостаток материальных ресурсов, и победоносно противопоставить себя могущественной военной и экономической поддержке англо-итальянского блока. Судьба испанской революции, покинутой своими естественными союзниками, была предрешена, несмотря на «чудо Мадрида» и на ряд других чудес, которыми так богата двухлетняя история гражданской войны Испании. Территория и район влияния Франко с каждым месяцем неуклонно расширялись, сфера господства революции столь же неизменно сокращалась и суживалась. Как бы героически ни велась оборона республики, которая даже в чисто военном отношении вписала немало славных страниц в историю революционных армий, — инициатива нападения все время была на стороне Франко, и каждое наступление последнего, несмотря на доблестный отпор республиканцев, в конечном счете все же заканчивалось тактическим и стратегическим выигрышем. Республика нашла в себе достаточно силы, чтобы упорно и героически защищаться, но ее военных и технических ресурсов никогда не хватало на то, чтобы вырвать инициативу из рук противника. И этого соотношения сил, созданного в конечном счете взаимоотношением между наступающим мировым фашизмом и полуобороняющимся блоком демократических стран, не могло изменить и вмешательство Советского Союза. Тем более, что это вмешательство, все время более рассчитанное на демонстрацию, чем на действительную реальную помощь, покупалось ценою установления в испанской революции искусственной гегемонии коммунистической партии. Тот плюс, который несомненно давала военно-техническая помощь советского правительствa, очень часто в своем историческом итоге сводился на нет той моральной коррупцией, тем уменьшением морального и политического престижа, тем внутренним разложением, которое все-

властное ГПУ, ввезенное в Испанию на тех же кораблях, на которых привозились советские танки или аэропланы, вносила в единый до толе фронт революционной и пролетарской Испании.

**

Испанская революция еще не сложила оружия, борьба еще в полном разгаре. Спасение еще было бы возможно даже в последнюю минуту, если бы Франция нашла в себе мужество и решимость поступить так, как диктуют ей не только принципы демократической солидарности, но и самые элементарные национально-имперские интересы. К сожалению, на это мало надежды. И надо считаться с возможностью, что фашистский блок выйдет из испанской трагедии с новым и значительным выигрышем стратегическим, политическим и моральным. В тело демократической Франции врежется третья по счету фашистская граница. Италия в союзе с своим новым вассалом, франкискской Испанией, может стать хозяином в западном бассейне Средиземного моря и на северном побережье Африки. Балеарские острова и испанское Марокко станут итало-германскими плацдармами для похода против колониальной империи Франции в Африке.

Крики о Тунисе, Суэце и Джибути теперь приобретут ту реальность, которой они до сих пор еще не имели. И вряд ли ошибаются те, которые утверждают, что, если Италия в связи с визитом Чемберлена и Галифакса в Рим временно как бы ослабила интенсивность своей антифранцузской кампании, то только потому, что она ждала решительных событий в Испании, чтобы после этого предъявить свои требования в еще гораздо более настоятельной форме. И вряд ли можно сомневаться, что представители консервативного британского правительства во время своих римских переговоров уже исходили из факта победы Франко, — которой они кстати по мере сил фактически содействовали во время всей гражданской войны, — и потому не могли не сделать определенных авансов Муссолини за счет своей «сердечной союзницы» Франции...

Для того, чтобы мир был спасен, для того, чтобы энергичной, инициативной, дерзкой агрессии фашистского блока было противопоставлена твердая непреклонная решимость отпора со стороны стран демократии, необходимо, чтобы тот поворот в общественном мнении, который происходит и во Франции и в Англии, совершился в обеих странах, и притом по возможности одновременно. Ибо в истории послевоенной Европы уже не раз играло роковую роль то обстоятельство, что левое правительство во Франции совпадало с господством консерваторов и реакционеров в Англии, и наоборот.

**

Чрезвычайно большую, может быть решающую роль при этом будет играть направление той очередной агрессии, которая без сомнения будет предпринята сейчас фашистским блоком. Куда сейчас кинется Германия, — на Запад или Восток? Будет ли сейчас, как утверждают одни, поставлена в порядок дня проблема Украины, Кавказа, т. е. проблема войны против Советской России, или же, как думают другие, Украина является лишь дымовой завесой, которая должна прикрыть действительное направление германского удара, и этим направлением является Запад — Голландия или Швейцария, т. е. подготовка обходного движения против Франции, комбинированная с итальянским давлением в Средиземном море и северной Африке?

В нынешней предвоенной обстановке трудно отделить политику от стратегии, и людям даже совершенно штатским приходится в своих политических построениях ча-

сто исходить из военно-стратегических предпосылок. Тем не менее было бы не только совершенно непосильной, но совершенно непроизводительной задачей пытаться разрешать в журнальных статьях проблемы военной стратегии мирового фашизма. Мы останемся на гораздо более привычной и надежной почве, если попытаемся подойти к вопросу не военно-технически, а политически.

Удар по Голландии или Швейцарии, т. е. косвенно удар против английского побережья или обход линии Мажино (или то и другое) неминуемо должен вызвать соответствующую реакцию со стороны обеих этих стран, и даже со стороны таких элементов этих стран, которые по целому ряду соображений, классовых, идеологических и т. п., склонны искать примирения и компромисса с Гитлером, Муссолини и Франко. Но даже Галифаксы и Лондодерри в Англии, даже Фландены и Лавали во Франции, поскольку они не хотят выступить открыто в роли агентов чужеземных правительств, и потерять все свое влияние в стране, не смогут оставить без решительного отпора столь прямую и непосредственную угрозу безопасности своих стран. Если принять во внимание то общественное настроение, которое преобладает сейчас в Соед. Штатах, и которое нашло такое яркое выражение в речах и выступлениях Рузвельта, Иккеса и др. авторитетных представителей Сев.-амер. республики, то вряд ли подлежит сомнению, что в случае острого столкновения между англо-французским блоком и итало-германско-японской коалицией, активные симпатии и мощная поддержка Америки будут на стороне демократического блока. Но можно быть совершенно уверенным, что Германия больше никогда не повторит роковой ошибки 1914 г. и никогда больше не ввяжется в безнадежную борьбу против той самой непобедимой коалиции, которая уже однажды разбила Германию в прошлой мировой войне. Удар в западном направлении — это линия наибольшего сопротивления и наибольшего риска для Гитлера, — который впрочем, в своей книге «Мейн Кампф» обнаружил совершенно отчетливое понимание этой истины. Между тем подготовка похода на Восток, — против «Коминтерна» — т. е. против Советской России, связана с гораздо меньшим непосредственным риском и с гораздо меньшей опасностью сплотить против себя все решающие силы мира. К походу против России могут отнестись нейтрально, а может быть, и благосклонно консервативная буржуазия Англии, реакционные круги Франции, изоляционистски настроенные элементы Соед. Штатов. Продвижение под тем или иным предлогом в Румынию (недаром именно сейчас присоединилась к антикоммунистическому пакту Венгрия), или же, еще вероятнее, в Польшу, — для поддержки угнетаемого там украинского меньшинства, не только обогатит с.-х. сырьем страдающую сырьевым малокровием Германию, но и явится наилучшей подготовкой «украинской проблемы». И в то же время Гитлер может рассчитывать на то, что Франция, спокойно допустившая — уже после уроков Мюнхена! — чтобы Пиренеи и Балеары перешли фактически в руки Муссолини, наверное не пойдет на риск войны из-за Румынии или вообще стран Восточной Европы, — этого «осинового гнезда», где равновесие столь непрочное, где неразрешенных проблем так много, где самой большой из них является «великий сфинкс» — Советская Россия, и где легче всего может произойти смычка между западным (европейски-африканским) сектором фашистской оси и ее восточной, азиатской, японской ветвью.

В том бесприммерно напряженном экономическом и финансовом положении, в котором находится сейчас Германия, и чему свидетельством является отставка

Шахта, на пороге инфляции и внутренних волнений, представляется чрезвычайно невероятным, чтобы Германия рискнула восстановить против себя все финансовые и экономические факторы мира, чтобы она пошла на риск вооруженного конфликта на Западе, автоматически приводящего к блокаде ее и ее итальянского союзника. Нет, бряцание оружием на Западе это блеф, шантаж, запугивание, имеющее целью, конечно, и вымогание уступок, но еще больше — прикрытие главной линии наступления — на Восток*).

**

Иstekший год как и предыдущие характеризовались роковой пассивностью и нерешительностью стран демократических, необычайной медленностью того поворота в сторону большей международной активности, о которой мы выше говорили. Сейчас, на пороге нового

*) Нарочито муссируемые слухи о каком-то соглашении с Сов. Россией, о посылке туда герм. торговой делегации и т. п. представляют собой, по нашему мнению, лишь часть этой дымовой завесы.

В РАБОЧЕМ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СЕССИЯ ИСПОЛКОМА РСИ.

Исполком РСИ заседал 14-16 января в Брюсселе. Присутствовали: М. Бюзе, А. де-Блок, Г. де-Ман (Бельгия), Р. Гансен (Дания), Р. Гильфердинг, Г. Фогель (Германия), К. Г. Виик (Финляндия), С. Грумбах, Ж. Жиромский (Франция), К. Гварджаладзе (Грузия), В. Гиллис (Великобритания), И. В. Альбарда (Голландия), П. Ненни (Италия), Ф. Целенс (Латвия), Ф. Моэ (Норвегия), Ф. Курский (Польский Бунд), Ф. Дан (Россия, с.-д.), делегат от русских с.-р., Р. Линдстрём, А. Фоугт (Швеция), П. Грабер (Швейцария), М. Кордеро (Испания) и кроме того — Луи Де-Брукер (председатель РСИ), Ж. Фан Роосбрук (кассир), Ф. Адлер (секретарь), Алиса Пелс (Международный Комитет), Р. Олленгауер (Интернационал Молодежи).

За последние годы, особенно со времени начала гражданской войны в Испании, сессии Исполкома РСИ созывались всегда под знаком самой неотложной текущей политической работы, зачастую на весьма краткий срок и без возможности достаточной подготовки. Поэтому в рядах Исполкома по различным поводам нередко высказывалось пожелание о более основательной принципиальной дискуссии, которая помогла бы ориентироваться в ситуации, радикально изменившейся благодаря наступлению фашизма.

В январском заседании 1938 года Исполком постановил посвятить такой дискуссии свою ближайшую сессию. Но, когда Исполком вновь собрался 30 мая 1938 года, только что отбитый первый натиск Гитлера на Чехословакию снова потребовал, прежде всего, обсуждения актуальных событий. По проблеме борьбы за демократию мог состояться поэтому лишь предварительный обмен мнений, в результате которого было решено — подробно обсудить этой проблеме во всех ее видах посвятить особую сессию и в этой связи предложить аффилированным партиям сформулировать и представить Исполкому свою точку зрения. Ряд партий прислал меморандумы по этому вопросу, другие занялись их выработкой, когда сентябрьские события выдвинули вновь срочные, актуальные проблемы и заставили отказаться от доведения до конца начатой теоретической работы.

Однако, перед лицом новых проблем, выдвинутых чехословацкой победой Гитлера, Бюро РСИ решило не откладывать дальше эту принципиальную дискуссию, а посвятить целую сессию Исполкома обсуждению единственного пункта порядка дня: «Борьба за демократию и за мир». Одновременно Бюро просило своего председателя, Л. Де-Брукера изложить свои взгляды в особом меморандуме.

Когда Исполком собрался на свою трехдневную сессию, посвященную этой теме, в его распоряжении были меморандумы следующих партий: норвежской, шведской (по соглашению с датской), голландской, грузинской, помимо представленных отдельными членами Исполкома за их личной ответственностью — Р. Абрамовичем, Л. Де-Брукером, Ф. Целенсом, Ф. Даном и Ж. Жиромским. Сверх того сессии были представлены постановления по вопросу о мире, принятые правлением Международной Федерации Профессиональных Союзов.

года, как-будто множатся симптомы глубокого общественного перелома. Поспееет ли он во-время, чтобы предотвратить бескровную победу мирового фашизма? Ведь каждый внешне-политический успех тоталитарных государств не только увеличивает их военный и моральный потенциал, но и усиливает в странах демократии, идущих от поражения к поражению, силы внутреннего фашизма. Разорвать эту роковую цепь фашистских триумфов, мобилизовать демократическую и социалистическую энергию в странах демократии — эта гигантская задача ложится сейчас прежде всего на плечи организованного пролетариата. Мировой социализм должен во всех странах стать глашатаем и застрельщиком непреклонного сопротивления наступлению фашизма. В союзе с силами буржуазной демократии, защищающими свои национальные позиции против агрессивного империализма тоталитарного блока, пролетариат должен мобилизовать все силы, материальные и моральные, демократических стран для решительного отпора наступлению фашизма. Иначе — гибель и рабство, разрушение и смерть цивилизации.

Время ораторов не было ограничено и, после краткого введения технического характера, сделанного секретарем РСИ, с речами выступили: Дан, Виик, Грумбах, Де-Брукер, Целенс, Гиллис, Гварджаладзе, Кордеро, Гильфердинг, Жиромский, Альбарда, Адлер, Грабер, Ненни, Гансен.

В заключение прений было решено препроводить представленные меморандумы аффилированным партиям, а меморандум Де-Брукера опубликовать в информационном бюллетене РСИ.

Проблемы защиты испанской республики касались многие ораторы, и особо яркую речь посвятил ей Пьетро Ненни. По предложению французской делегации была принята следующая

резолуция об Испании.

РСИ приветствует величественное и героическое сопротивление Испанской Республики повторному наступлению иностранных фашистов.

Интернационал констатирует, что республиканское правительство выполнило свое обещание отослать обратно всех добровольцев; он преклоняется перед их героическим самоотвержением; он требует, как не переставал это делать с самого начала конфликта, чтобы был положен конец тому стеснительному исключительному положению, которое создано для Испанской Республики в смысле вывоза и транзита предназначенных для нее оружия и аммуниции.

В виду создавшегося ныне серьезного положения, Интернационал надеется, что в первую очередь партии тех стран, безопасности которых наиболее непосредственно угрожает итало-германское наступление в Испании, будут воздействовать всеми имеющимися в их распоряжении средствами на свои правительства и на свое общественное мнение, чтобы обеспечить республиканской армии то регулярное, массивное, немедленное снабжение военным снаряжением, которое является непременным условием победы.

РСИ требует также координированных и объединенных действий государств и Лиги Наций в целях оказания испанскому народу самой широкой экономической помощи.

Более, чем когда-либо, считает поэтому РСИ лозунгом всех примыкающих к нему партий:

все, решительно все для Испанской Республики!

**

Сессии Исполкома предшествовало заседание Бюро РСИ, происходившее под председательством Л. Де-Брукера и посвященное вопросам организационного характера.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

Ф. ДАН.

К сессии Исполкома РСИ

Сессия Исполкома РСИ, имевшая место 14-16 января в Брюсселе, была не совсем обычной сессией. В программе дня стоял лишь один вопрос, и притом вопрос принципиального характера: борьба за демократию и мир, как проблема общего, так наз. «теоретического» порядка.

Надо сказать сейчас же: еще до начала сессии было ясно, а в ходе сессии с очевидностью подтвердилось, что так наз. «легальные» партии, т. е. партии, сохранившие свою массовую организационную основу и возможность открытой политической борьбы, и, в особенности, партии, участвующие в правительствах своих стран или возглавляющие эти правительства, относятся, по малой мере, без всякого энтузиазма к дебатам, получившим весьма условное и весьма неточное название «теоретических», а на деле имеющим задачей ориентироваться в новых условиях борьбы рабочего класса, созданных событиями последних лет, и на основе этой ориентировки наметить общую стратегическую линию социалистической политики. Приходится — не без чувства тревоги! — констатировать, что, несмотря на бурный катастрофический ход событий, так часто опрокидывавший самые «разумные» предвидения и осуждавший на жалкое крушение самые «реалистические» планы, идеологическая инерция и практический эмпиризм остаются и до сих пор законом политической деятельности преобладающего большинства «легальных» партий.

Правда, очные ставки национальных «эмпиризов», какими являются сессии различных интернациональных инстанций, за последние годы не раз подводили и самые «легалистские» партии к признанию необходимости какого-то критического просмотра и пересмотра самых основ политической стратегии и тактики современного социализма и побуждали Исполком РСИ единогласно принимать решения о приступе к обсуждению этих основ. Так было около трех лет тому назад, когда, по инициативе Отто Бауэра и пишущего эти строки, было решено создать комиссию по обсуждению проблем военной политики современного социализма. Так было около 1½ лет тому назад, когда, по инициативе того-же Бауэра и итальянского товарища Пьетро Ненни, был поставлен в порядок дня вопрос о созыве конференции для обсуждения проблем борьбы за демократию, и партиям было предложено подготовить это обсуждение выработкой «тезисов». Так было, наконец, несколько месяцев тому назад, когда — после Мюнхена — невозможно было уже не видеть неразрывной связи между вопросами политики внешней и политики внутренней и когда на суждение Интернационала решено было поставить двуединую проблему борьбы за демократию и мир.

Но каждый раз эмпиризм, в ходе сопоставления и противопоставления своих национальных разновидностей уже приходивший как будто к сознанию собственной недостаточности и несостоятельности, брал реванш, лишь только отдельные партии снова оставались наедине с самими собою. «Военная» комиссия РСИ после 1-2 заседаний тихо скончалась. Конференция по вопросу о борьбе за демократию все откладывалась — вплоть до тех пор, пока самому вопросу была придана иная постановка, связавшая борьбу за демократию с борьбой за мир. И, наконец, для обсуждения этого двуединого вопроса решено было заменить конференцию — сначала расширенным Исполкомом, потом (главным об-

разом, по настоянию английских товарищей) очередной и ординарной сессией Исполкома, или, иначе говоря, обсуждать основные проблемы современного социализма за закрытыми дверями, т. е. в условиях, когда самое обсуждение это теряет огромную долю и интереса, и пропагандистско-агитационного значения.

Благодаря такой позиции «легальных» партий, вышло так, что наиболее инициативная и активная роль в постановке и разработке основных проблем современного социализма выпала на долю «эмигрантских» партий и групп. Только филистеры и пошляки могли бы объяснить повышенный интерес эмиграции к проблемам этого рода тем, что она «безответственна», или тем, что ей «нечего делать» и «нечего терять». Нет, этот факт объясняется просто и естественно тем, что собственный жестокий опыт вбивает и в самые консервативные эмигрантские мозги сознание бурно-катастрофического изменения всех традиционных экономических, социальных, политических и культурных, внутренних и международных условий и необходимости как то приспособить свои политические перспективы и свою политическую деятельность к этой, совершенно новой мировой обстановке. И самому консервативному эмигрантскому сознанию не дано ни питать отрадных иллюзий насчет чудесных особенностей своей страны или нации, которые де дадут им возможность и посреди бурно меняющегося мира сохранять спокойную, «органическую» преемственность своего развития, ни тешить себя надеждами на возможность «отсидеться» от надвигающейся мировой бури в тихой гавани захолустного «нейтралитета». Само «бытие» революционизирует сознание «эмигрантского» социализма гораздо скорее и основательнее, чем сознание «легальных» партий, отставание которого от бурного бега событий грозит превратиться в источник нового идейно-политического кризиса международного социализма, по своему размаху и своим возможным последствиям куда более страшного, чем кризис 1914 года.

Конечно, различию роли «эмигрантских» и «легальных» партий в активизировании социалистического сознания никоим образом не следует придавать абсолютного значения. Представители таких «легальных» партий, как швейцарская (г. Грабер) или финляндская (т. Виик), не говоря уже об испанской (тов. Кордеро), с одной стороны, о председателе РСИ, тов. Де-Брукэре, и секретаре, т. Адлере, с другой, с такою же убежденностью настаивали на необходимости подумать, наконец, основательно об общих основах и общих задачах нашей деятельности в новых условиях, как и самые патентованные «эмигранты». С другой стороны, и в эмигрантских группировках нашлись товарищи, иронизировавшие над тем, что «от нас требуют деклараций о демократии» в обстановке «жесточайшего международного кризиса и грозящей войны» (т. Гильфердинг) и вполне разделявшие мнение английского делегата, т. Гиллиса, что «весь вопрос заключается в том, кто будет господствовать над миром: Англия, Франция и т. д. или тоталитарные государства? Все остальное имеет второстепенное значение».

Как бы то ни было, наиболее активная роль принадлежала в данном случае, несомненно, «эмиграции». Это сказалось, между прочим, и в том, что ни один из делегатов «легальных» партий не оказался подготовленным для вступительного доклада, и задачу эту пришлось взять на себя пишущему эти строки, 1½-часовая

речь которого и послужила канвой и рамкой для прений, занявших два с половиною дня*).

Не только в силу этого обстоятельства, но и по своему содержанию своему тезисы, представленные мною, совместно с тов. Юговым и Шварцем, Исполкому и последовательно развивающие систему взглядов, намеченную еще свыше трех лет тому назад в «военных» тезисах (как тезисах, сформулированных совместно с Бауэром и др., так и, в особенности, в тезисах, принятых в то время Заграничной Делегацией; см. «С. В.» № 1 за 1936 год), оказались одним, если можно так выразиться, — «социально - революционным» полюсом прений. Другим, определенно-«реформистским» полюсом их оказалась система взглядов, последовательно и ярко изложенная (к сожалению, не в письменных тезисах, а лишь в речи) голландским товарищем Альбарда, объявившим истинною «конечную целью» рабочего движения «интегральную демократию», а социализм лишь средством для достижения этой цели, и провозгласившим афоризм: социализм осуществим лишь мирно-демократическим, «шведским» путем или вовсе не осуществим! Если оставить в стороне некоторые, весьма небезинтересные, но чисто индивидуальные мнения, высказанные в речах отдельных ораторов (особенно, тт. Гильфердинга и Гиллиса) и за недостатком места не могущие быть здесь достаточно полно характеризованными, то можно сказать, что между этими двумя полюсами, тяготея то к одному, то к другому из них, расположилась вся гамма взглядов и оттенков взглядов, нашедшая выражение в прениях. Определенно «реформистской» была концепция, высказанная датским делегатом от имени скандинавских партий, как и концепции тт. Гиллиса, Гильфердинга, грузинского делегата, и в определенный «реформистский» цвет были окрашены выступления тт. Грумбаха и Целенса. Наоборот, полную солидарность встретила «социально - революционная» позиция в заявлении т. Виика, к этой позиции определенно тяготели взгляды, развитые тт. Жиромским, Адлером, Ненни и, в значительной степени, также т. Грабером, тщетно искавшим «синтеза».

Особый интерес представляет, разумеется, позиция председателя РСИ, т. Де-Брукэра. В своей яркой речи т. Де-Брукэр высказал ряд положений, которые не оставляют сомнения в близости его собственной концепции к той, которая условно обозначена выше названием «социально - революционная». Когда т. Де-Брукэр исходил в своих суждениях о стратегии современного социализма из положения, что «фашизм есть не что иное, как самое яркое и отвратительное выражение современного капитализма»; когда он констатировал неразрывную «связь борьбы за демократию с борьбой за социализм», указывал на единство задач и целей «эмигрантских» и «легальных» партий, «несмотря на различие их методов», и, возражая т. Грумбаху, солидаризовался с автором этих строк в мысли, что «защита демократии ныне не может быть консервативной» и что «нельзя подвинуть рабочих на ее защиту, не связав этой защиты с борьбой за социализм»; когда, отвечая на выдвинутый против «социально - революционной» концепции тем-же т. Грумбахом аргумент о несовместимости этой концепции с необходимым для победы над

фашизмом «союзом пролетариата с мелкой буржуазией», он указывал, что «ошибка думать, будто союз этот может быть осуществлен путем отказа пролетариата от его социалистического идеала», и утверждал что «наоборот, настойчивое выдвигание этого идеала теперь необходимо для такого союза и для защиты демократии, как необходим и выход из национальных рамок на интернациональную арену», и т. д., и т. д. — когда т. Де-Брукэр в своей речи так сформулировал основные посылы политики современного социализма в борьбе за демократию и мир, то принципиальное тождество его концепции с концепцией «социально - революционной» становилось совершенно неоспоримым.

К сожалению, эти послышки и положения не были столь же ярко и определенно сформулированы в «теоретической» части обширного меморандума, который был представлен т. Де-Брукэром во исполнение пожелания Бюро РСИ и который будет напечатан в информационном бюллетене РСИ, а наличие в этом меморандуме практически-политической части, касающейся Лиги Наций, системы коллективной безопасности, предполагаемого созыва международной конференции и т. д., еще облегчило истолкование его как некоего рода «равнодействующей» всех высказанных мнений, на которой, как на «средней» линии, могут будто бы сойтись чуть не «все». Меморандум т. Де-Брукэра, несомненно, имеет очень крупные достоинства и представляет большой интерес. Но придется все-же с полной откровенностью сказать, что надо будет пожалеть, если он будет использован (конечно, вопреки намерениям и воле его автора), как средство успокоения и самоуспокоения взбудораженной было международной социалистической мысли. Ибо и для этой мысли, как для демократии, не может быть ныне ничего более опасного, чем консерватизм: для пролетарского социализма было бы поистине роковым, если бы в надвигающийся решительный исторический час на стороне фашизма оказалось превосходство не только в грубой физической силе (с этим превосходством, как показывает испанская революция, справиться можно!), но еще и в методах политического мышления — динамических и революционных (хотя и контр-революционных), потому что учитывающих катастрофический и переворотный характер нашей эпохи.

Сказанного выше кажется мне достаточно, чтобы читатель мог — на фоне того столкновения мнений по основным проблемам современного социализма, которое имеет место и в нашей партии и так часто находило, находит и, вероятно, будет еще находить выражение на страницах нашего органа, — составить себе довольно отчетливое представление о современном состоянии и тенденциях международной социалистической мысли, как они выразились на последней сессии Исполкома РСИ. Действительное значение этой сессии для активизации политической мысли современного социализма будет зависеть от того, насколько партии РСИ захотят и сумеют использовать предоставленный в их распоряжение материал для дальнейшей разработки и обсуждения в печати, собраниях и т. д.

Но эта сессия, посвященная «теоретическим» проблемам, происходила все-же посреди непрерывающегося потока событий, волны которого не могли, разумеется, останавливаться у закрытых дверей Исполкома. Эти «текущие» события и выдвигаемые ими вопросы неизбежно должны были находить отражение и в самых «теоретических» речах ораторов.

К таким вопросам принадлежал, например, вопрос о созыве международного конгресса или международной конференции государств для организации мира, который оказалась неспособной организовать Лига Наций.

*) По дискуссионным статьям, помещенным в № 15/16 «Соц. Вест.» за прошлый год, читатели знают, что в нашей партии вообще и в Заграничной Делегации в частности не существует единомыслия в вопросах, которые были поставлены на обсуждение Исполкома. В Исполком были представлены поэтому, с одной стороны, тезисы, подписанные Ф. Дано, С. Шварцем и А. Юговым, с другой — тезисы, подписанные Р. Абрамовичем, Б. Николаевским и Г. Аронсоном. Тезисы Ф. Дана и др. воспроизводят текстуально дискуссионную статью Ф. Дана.

Вопрос этот, как известно, был еще в сентябрьские, «мюнхенские» дни выдвинут президентом Соед. Штатов. За его положительное разрешение высказалась резолюция Монружского с'езда Французской Социалистической Партии, хотя и обставившая созыв такой конференции целым рядом предварительных условий. Наконец, идея международной конференции составляет центральный пункт в той платформе борьбы за мир, которая была выработана правлением МФПС и представлена им на суждение Исполкома РСИ. В Исполкоме эта идея встретила очень сдержанное отношение, как сдержанное отношение встретила она и в меморандуме т. Де-Брукера, не только воспринявшего все оговорки Монружского с'езда, но еще дополнившего их рядом других соображений. Выступавшие в Исполкоме ораторы указывали на исторические прецеденты, не раз превращавшие такого рода «мирные» конференции в арену выявления непримиримых противоречий, а потому в непосредственное преддверие войны. Но, с другой стороны, не явится ли такая конференция лишь роковым для демократии, социализма, более того — для всей человеческой цивилизации повторением Мюнхена в «мировом масштабе»? Кто посмеет усумниться в закономерности постановки такого вопроса, пока от имени демократических и мирных держав говорят патентованные представители капиталистической буржуазии, банков и бирж, трестов и концернов?

Но был и другой, еще бесконечно более острый и актуальный вопрос, о котором ни на минуту ни один оратор не мог позабыть и в самый разгар «теоретических» прений: это — вопрос испанский. Исполком заседал в дни, когда под ударами итало-германского фашизма пала Таррагона и когда в том-же Брюсселе, через не-

сколько кварталов от места его заседаний, с'езд партии, взрожденной и так долго возглавлявшейся Вандервельде, над его свежей могилой и под его портретом ликвидировал дело безоговорочной защиты испанской республики, которому «патрон» страстно служил до последнего вздоха, и, «еще раз протестуя» против посылки представителя Бельгии в Бургос, к испанскому ставленнику Гитлера и Муссолини, на деле санкционировал эту посылку. На этот шаг с'езд решился, конечно, лишь после тяжелой внутренней борьбы и лишь в силу желания не разрушать существующей правительственной коалиции, возглавляемой социалистом, в сохранении которой он видел самую очевидную практическую-политическую необходимость, диктуемую интересами дела демократии и мира. А между тем, если в «борьбе за демократию и за мир» от столь нелюбезной многим эмпирикам «теории» перейти к «практике», то нет и не может быть, как совершенно верно указал в своей страстной речи т. Ненни, более практического дела, чем напряжение всех сил, всех средств, всех возможностей для немедленного, «сегодня-же», снабжения испанской республики — не только хлебом, мясом, молоком, но, прежде всего, оружием, без которого ей грозит гибель, а демократии и миру, в результате этой гибели, удар, от которого они, быть может, не оправятся.

Вот почему, и свои «теоретические» прения Исполком не мог не закончить резолюцией об Испании. И вот почему надо пожелать, чтобы все партии РСИ вложили в точное, практическое выполнение этой резолюции такую-же силу и страсть, какая продиктовала ее текст ее авторам и какую вкладывают сейчас в свою борьбу за вооружение испанской республики наши французские товарищи.

Заграницей

БОРЬБА ПРОТИВ ГИТЛЕРИЗМА В ПРИБАЛТИКЕ.

Германские поборники самоопределения наций обратили свое благосклонное внимание на Прибалтику. В связи с этим маленькие балтийские народы начинают себя чувствовать, как кролики, фиксируемые взглядом ядовитой змеи. Не помогают усилия фашистских и полу-фашистских правительств этих стран и поравненной прессы, не переставших твердить: «На Шипке все спокойно». Волна тревоги за будущее подымается, заставляет Сметоновских, Ульмановских и Пэтсовских подданных призадуматься о своей судьбе и о путях спасения.

Испарились всякие надежды на западно-европейских гарантов. Примера Чехословакии оказалось достаточно, чтобы рассеять всякие иллюзии на этот счет. Никто также не берет всерьез декларации нейтральности балтийских государств, вроде декретированного недавно латвийским диктатором «закона о нейтралитете». Таким «законам», конечно, грош цена, поскольку речь идет об областях, представляющих собою вероятную зону столкновения Германии и Сов. Союза.

Несмотря на полное (в Латвии и Литве) и почти полное (в Эстонии) отсутствие «непоравненной» печати и какой бы то ни было организованной общественности — легальной, во всяком случае, — в сознании населения балтийских стран понемногу просачивается убеждение, что неизбежен выбор: слиться, зная, что пощады не будет, либо — бороться, поставив все на карту. В первом случае Латвия, Литва, Эстония ускоренным темпом пределают все метаморфозы, ставшие уже почти традиционными в Европе, в результате чего Германия сможет спокойно сожрать свою очередную жертву, а весь цивилизованный мир спешно станет принимать меры к ограждению себя от наплыва новых эмигрантов. Для того, чтобы организовать сопротивление, бороться за свою самостоятельность (не в первый уж раз и не впервые против германских насильников), есть лишь одна возможность — анти-германский балтийский союз, опирающийся на силу народных масс, ненавидящих поработителей, и на военный союз с великим соседом — Сов. Россией.

Вот эта определенность и неизбежность выбора пугает нынешних почти или вполне самодержавных властителей Лит-

вы, Латвии и Эстонии. Узурпаторам не улыбается перспектива активного, организованного и вооруженного народа. Им кажется слишком опасной и помощь Советского Союза. Отсюда — метания и шатания смехотворные «нейтралитеты» и заигрывания то с Германией, то с Польшей, то с Сов. Союзом.

Как и всюду, здесь проблемы внешние тесно переплетаются с внутренней политикой балтийских государств. Возможность организованного сопротивления нашествию германского фашизма и тут всецело зависит от того, сумеют ли, наконец, сказать свое слово замордованные и связанные по рукам и ногам народы Прибалтики, для которых не может быть сомнений насчет необходимости бороться до последнего против немецких баронов и завоевателей, всегда бывших палачами населения и злыми гениями края.

Одно время казалось, что в Литве и Эстонии намечаются какие-то виды на мирное соглашение между правительствами и народом. В Ковно даже появилось воззвание, подписанное всеми бывшими президентами и министр-президентами (с-д., либералами, народн. партией, христ.-дем.), в котором формулировано было требование восстановления демократического строя, как единственной предпосылки дальнейшего существования литовского самостоятельного государства.

В Эстонии сам «вождь» Пэтс заговорил было о демократии, были проведены выборы с возможностью кое-какой, хотя и сильно урезанной, агитации партий, в том числе социал-демократической.

«Весна» эта продолжалась недолго. Оппозиционные силы оказались слишком слабы и разрознены, чтобы взять инициативу в свои руки, националистические-же диктаторы оказались слишком мало национальными, чтобы интересы народа и государства поставить выше своих личных и групповых интересов. И вот Литва встречает сегодня второй удар — на этот раз уж со стороны Германии по Клайпедо-Мемелю — в состоянии той же общественной летаргии, как и в первый раз, при конфликте с Польшей, что опять-таки является несомненным преддверием капитуляции.

В Эстонии усиливаются репрессии против оппозиции, растет антисемитизм, уничтожаются ростки общественной активности. Социалистическую газету «Рахва Сына» правитель-

ство закрывает, правда, по обвинению в... анти-демократизме (несомненная дань демократическим настроениям масс!). В обеих странах поднимают голову прогитлеровские молодчики — «вольдемаросовцы» в Литве и «вабсы» в Эстонии.

При нынешнем соотношении сил внутри этих стран, гочти не подлежит сомнению, что ни Литва, ни Эстония не сыграют самостоятельной роли в смысле создания балтийского оборонительного блока. Им нужен толчок, который бы ускорил и усилил внутренние процессы брожения, заставил бы оппозицию выдвинуть свои требования, а диктаторов склонил бы к некоторой уступчивости.

В совершенно ином положении находится Латвия, которая и по своему географическому положению, и по роли, которую она играет в Прибалтике и, наконец, по внутреннему соотношению социальных и политических сил, может и должна стать инициатором и ядром балтийского анти-гитлеровского блока.

Борьба между правительством и общественностью здесь приняла совершенно другие формы, чем в Литве или Эстонии. О «сговоре» между правительством и загнанными в подполье социалистическими и демократическими кругами общественности здесь не может быть и речи. Нелегально захватившее в 1934 г. власть правительство Ульманиса ввело режим тоталитарной фашистской диктатуры по итало-германскому образцу. Уничтожены не только социалистические, но и буржуазные — не-ульмановского толка — организации и пресса, вплоть до крестьянского союза, лидером которого нынешний «вождь народа» являлся в свое время. В концентрационный лагерь были посажены наряду со всеми социалистическими руководителями также буржуазные демократы — депутаты парламента, офицеры и т. д. Власть держится лишь превращением в нормальный порядок вещей военным положением. Борьба между личной диктатурой Ульманиса и нелегальной оппозицией, подавляемой всеми средствами полицейского террора и каторжного режима, зашла слишком далеко, чтобы найти какую-нибудь возможность соглашения. Это усугубляется еще глубоким и обоснованным недоверием со стороны народа и, главным образом, интеллигенции и офицерства к нынешним властителям, из которых один — верховный вождь — себя зарекомендовал еще в 1918-19 гг. как делец, склонный к сговору с немцами за счет латвийских крестьян; другой — министр иностранных дел — по национальности немец, по убеждению гитлеровец, до сих пор ничего не предпринимает без одобрения германского посла в Риге.

Правительство Ульманиса понимает, что при малейшем ослаблении от его диктатуры не останется камня на камне, ибо латвийская оппозиция, не в пример литовской и эстонской, организована, имеет глубокие корни в народе, в частности и в особенности — в крестьянстве; она только ждет своего часа. Эта оппозиция знает, чего хочет и твердо формулирует свои задачи. Ее основной и движущей силой всего анти-фашистского движения в стране является перешедшая на нелегальное положение социалистическая партия.

Орган латвийских социалистов «Brīvība» («Свобода») ясно и недвусмысленно выдвигает требование балтийского оборонительного союза против Германии и военного соглашения с Сов. Россией, связывает выполнение этих своих требований со свержением диктатуры и учреждением демократического правительства Народного Фронта.

На недавно состоявшейся конференции Латвийской Соц. Партии утверждена платформа народного фронта, который в стране уже фактически существует, включая в себя социалистическую и коммунистическую партии и целый ряд буржуазно-демократических групп и деятелей. Эта платформа ставит во главу угла вопросы внешне-политические, революционную оборону против нашествия гитлеровцев; она с самого начала подчеркивает строго-демократический, народный характер будущей власти и намерение оздоровить страну далеко идущей решительной экономической и социальной политикой.

Тем самым латвийский народный фронт и социалистическая партия правильно подхватывают настроения широких масс не только города, но, главным образом, деревни, где больше всего боятся возвращения немецких баронов и отмены аграрной реформы, отдавшей крестьянам все помещичьи земли.

Оппозиция имеет в Латвии шансы объединить вокруг себя все слои населения от рабочих и крестьян до значительных кругов городской средней буржуазии. Борьба ее заострена против небольшой кучки дельцов — политиканов из кругов так наз. «серых баронов» (кулаков — крупных капиталистов), которым деревня уж стала узка и которые ищут простора для своих операций в городе, причем единственной возможностью обеспечить себе гегемонию является для них об-

ладание полнотой государственной власти и распоряжение государственными банками.

Эта клика не боится отмены аграрной реформы, так как она частично владела землей и до реформы, а главное — для нее деревня потеряла свое центральное значение, поскольку она орудует своими капиталами в городе. Имеется у нее и некоторый опыт сотрудничества с немецкими оккупантами. В 1919 г. — «правительство» пастора Недры, фактотума немецких генералов, уже проделало то, что готовится проделать Ульманис и его министр Мунтер.

Но и латвийский народ имеет свой опыт. Он не забыл своей истории, которая ничем другим и не является, как историей борьбы против германских завоевателей и немецких баронов; он не забыл колонизаторских планов Вильгельма II насчет Прибалтики; наконец, не забыта еще германская оккупация 1915-1918 гг. с ее ужасами, повальными расстрелами и разрушением деревень. Латвийские крестьяне земли своей не отдадут баронам, рабочие и интеллигенция, меньшинства (евреи, русские) не дадут себя экономически и физически уничтожить. Поэтому в Латвии борьба между прогитлеровской диктатурой и народом будет ожесточенной. Народ победит, если ему не будет всажено нож в спину со стороны великих держав и если его своевременно поддержит морально Советский Союз, не упуская из виду национальные и общественно-политические особенности и чаяния страны.

Какой психологический «шок» победа демократии и учреждение анти-гитлеровского правительства в Латвии вызвали бы в Литве и Эстонии, а может быть и кое-где подальше — легко себе представить. Это может оказаться исходным пунктом организации сопротивления гитлеровскому нашествию на Прибалтику.

Социалдемократия этой маленькой страны, осознавшая всю великость стоящих перед ней задач и ведущая свою, сегодня еще нелегальную борьбу в качестве руководительницы всего народа с такой энергией и жертвенностью, заслуживает внимания и поддержки всего социалистического движения.

Г.

Р. С. В дополнение к написанной свыше месяца тому назад статье хочется отметить некоторые новые признаки наступления гитлеровщины на Прибалтику.

Это, прежде всего, заметное усиление антисемитских тенденций «нюрнбергского» типа. До сих пор в Эстонии, где насчитывается вообще не более 5000 евреев, сколько нибудь серьезных антисемитских настроений и в помине не было. В Латвии антисемитский душок, правда, наблюдался, как наследие долголетнего владычества немецких, польских и русских помещиков и чиновников, а фашистское правительство, хоть и исподволь, но систематически вытесняло евреев из всех занимаемых ими позиций. Но теперь, как по команде (в Эстонии и впрямь по команде министра пропаганды, вернувшегося из поездки в Италию) в Прибалтике насаждается «расовая» форма антисемитизма; ведется агитация против посещения евреями кафе и ресторанов, смешанные браки клеймятся, как «национальная измена», рабочие-евреи на фабриках (пока лишь на фабриках, где имеются немцы-мастера) подвергаются всевозможным притеснениям и т. д. Проводниками этой «расистской» идеологии являются пока лишь правительственные учреждения и местные немцы, поддерживаемые кое-какими хулиганствующими элементами. Но в освещенных кругах начинают уже поговаривать о каком-то «еврейском законе», подготовляемом правительством Ульманиса...

В несомненной связи с давлением местных немецких кругов, видящих во влиянии социалистов угрозу гитлеризации страны и требующих потому строгих мер против них, стоят и недавние аресты социалистов в Эстонии. Арестованы бывший депутат, т. Андресен, редактор «Рахва Сана», т. Ионас и другие — по смехотворному обвинению в сочувствии и помощи латвийским социалдемократам! Латвийская поравненная печать всячески раздувает это дело, явно подготавливая почву для однородной расправы охранки с социалистами и в Латвии.

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

ДИСКУССИЯ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПАРТИИ.

От редакции. — Вопросы военной политики социализма и связанные с ними проблемы обще-тактического порядка все больше выдвигаются в центр внимания социалистических партий. В течение ряда недель они служили предметом оживленной дискуссии на страницах «Нуово Аванти», органа наших итальянских товарищей. Ныне, в № 16 «Дер Социалистише Кампф», журнала австрийских социалистов, т. Джузеппе Сарагат поместил статью, посвященную сессии Совета итальянской партии, подведшего итоги этой дискуссии. Мы даем ниже перевод этой статьи, ознакомить с которой нашим читателям будет тем более интересно, что, как известно, те же самые проблемы вызвали дискуссию и в нашей партии.

Наш партийный Совет (3-4 декабря) был созван главным образом для того, чтобы наметить позицию партии на случай вооруженного конфликта. Мюнхенский эпилог драматических сентябрьских событий, изменивший все политические перспективы, сделал главной задачей Совета выяснение последствий Мюнхена и соответственных поправок, которые, быть может, следовало бы внести в непосредственные цели и тактику нашей партии. Тем самым и дебаты Совета передвинулись с военной проблемы к вопросам создавшегося после Мюнхена положения и общей политики партии.

Товарищ Анджело Таска (Росси) первый открыл дискуссию рядом очень интересных статей о современных перспективах. По мнению Таска с мюнхенскими соглашениями рухнули все старые установки во всех странах и в мировом масштабе. Катастрофический сдвиг еще не закончился, и нельзя предвидеть, когда он остановится и можно-ли будет вообще задержать его. Итальянская Социалистическая Партия должна без малодушия и паники смотреть фактам в лицо и искать новых методов, которые дали бы нам возможность и в условиях, созданных Мюнхеном, выполнять свой долг социалистов и анти-фашистов.

Надо прежде всего констатировать, что система коллективной безопасности, покоящаяся на договорах и союзах Франции с Чехословакией, Румынией, Югославией и Советским Союзом, не выдержала испытания. Система эта, укрепленная в 1933-34 гг. вступлением Советского Союза в Лигу Наций, рухнула. Трудно предвидеть, в какой мере сможет быть восстановлено доверие малых государств к защите их демократическими великими державами. Сейчас во всяком случае воцарились смута и распад: малые страны бросаются — без шансов на успех — в абсолютную нейтральность или пытаются так или иначе приспособиться к экономической и политической гегемонии Великогермании. Ко всему этому надо прибавить: во-первых, что капитуляция демократических держав усилила изоляционистские течения в Соединенных Штатах; во-вторых, что, каковы бы ни были дальнейшие судьбы франко-русского пакта, пакт этот в его первоначальной форме перестал существовать вследствие исчезновения Чехословакии, как самостоятельного государства; в-третьих, что, хотя французский Народный Фронт и сохраняет в стране известную массовую основу, но он уже не существует в качестве возможной правительственной комбинации и основы определенной внешней политики Франции. Коротко говоря, не существует уже того плана европейской политики, который осуществлялся бы совместно демократическими правительствами и Советским Союзом и который могло бы поддерживать социалистическое движение. Поэтому уже по одним этим практическим соображениям, социалистические партии должны были бы наметить свою политику независимо от каких бы то ни было правительств и государств.

Происходящее на наших глазах крушение не аннулирует однако проблемы европейского равновесия, покоящегося на свободном и мирном сотрудничестве всех народов. Наоборот, оно лишь делает эту проблему особенно настоятельной. Социалистические партии должны поэтому сознать необходимость организовать — организовать и в сфере милитаристской — сопротивление экспансионистской политике оси Рим-Берлин-Токио с определенной целью создать фактическое положение, способное сломить воинствующую волю фашистских государств. Прямая апелляция к народам — как демократических, так и фашистских стран — должна более, чем когда-либо, стать специфической формой нашей акции. Надо добиваться, чтобы демократические массы активнее вмешивались в определение внешней политики своих правительств, чтобы политика эта действительно служила делу мира. Надо пытаться пробить стену, которою фашисты окружают подвластный их диктатуре народ, чтобы получить доступ к сознанию этого народа и осведомлять его о действительных целях других стран. Но это станет возможно, лишь постольку

ку социализм будет иметь свой собственный план европейской политики, с которым он сможет апеллировать и к народам тоталитарных государств. Этот план — Соединенные Штаты Европы.

Страшное потрясение, пережитое народами в сентябре, должно стать исходной точкой кампании, увлекающей их в направлении к единой цели, способной действительно обеспечить мир, — к созданию новой Европы. Фашизм есть абсолютное отрицание этой цели, ставящей на очередь ликвидацию автаркии и воли к господству, а тем самым и уничтожение самого фашистского режима. Каждый шаг в этом направлении — в действительности или в сознании людей — является успехом против фашизма, свободу маневрирования которого все более суживало бы давление народной воли. Европе блоков и осей, Европе реакционного Священного Союза должна быть противопоставлена Европа, организованная на более высоких принципах солидарности, свободы и прогресса. Поэтому надо бороться против всего, что способствует образованию анти-советского блока, тем более, что национальные интересы Советского Союза совпадают с политической, исключаящей чью-бы то ни было гегемонию на европейском континенте. В этом впрочем и заключается лучшая гарантия неизменности русской внешней политики и основа для солидарности рабочего движения западных стран с Советским Союзом: эта солидарность покоится не на идеологическом согласии с правителями русского государства, а на одинаковости политических интересов с русским народом и его новым государством.

Словом, проблема защиты Советского Союза есть лишь одна из сторон общей проблемы создания новой Европы. Но это требует, разумеется, согласия и Советского Союза на этот план европейского возрождения; поэтому Советский Союз должен открыто заявить, что он готов ввести в известные границы так наз. политику «строгого социализма», являющуюся на деле лишь политикой автаркии, чтобы таким образом включить русское хозяйство в круговорот хозяйства мирового и в план европейского возрождения. Таска, впрочем, тут-же прибавляет, что ничуть не скрывает от себя громадных трудностей такой политики; но он не видит никаких других способов разрешения европейского кризиса, — если не считать войны. Сознание трудностей тем сильнее у Таска, что, как он хорошо понимает, Мюнхен не ослабил военных опасностей, но усилил их. Более, чем когда-либо, гитлеризм, и в силу громадности средств, которыми он располагает, и в силу подготовляемого им развернутого наступления на Советский Союз, остается государственным врагом № 1. Хорошо понимает также Таска, что попытки сломать ось Рим-Берлин заранее осуждены на неудачу. Но в глазах Таска все эти трудности лишь подтверждают необходимость политики, выражающей не антагонизм двух блоков, а осуществление новой Европы. «Надо действовать так, как будто возможно заставить тоталитарные государства освободиться от одержимости автаркией и завоевательными стремлениями, потому что эта политика «как будто» является единственной, дающей возможность: 1) сплочения государств, заинтересованных в противодействии фашистским империализмам (Англия, Франция, Америка, Россия); 2) известного морального воздействия на народы тоталитарных государств; 3) разоблачения действительных целей оси Рим-Берлин-Токио».

Важнейший тактический вывод из сделанного Таска анализа после-мюнхенского положения сводится к тому, что основа сопротивления против фашизации Европы должна быть расширена и что сопротивление это уже не может быть организовано по схеме: социалистически - коммунистическое единство действий, как ядро Народного Фронта (социалисты, коммунисты, демократы); напротив, Народный Фронт должен стать основой более широкого национального сплочения, имеющего задачей защиту основных завоеваний цивилизации во всех странах и в мировом масштабе. Подкрепление своему мнению об отмирании Народного Фронта Таска видит в положении, создавшемся во Франции и в Англии, где, как он полагает, колоссальное напряжение, необходимое для отпора державам оси, может быть осуществлено лишь солидарными усилиями громадного большинства народа. «В обеих этих странах это осуществимо лишь при содействии всех демократов, массы католиков и даже не-фашистских консерваторов». Но такое сплочение национальных сил означает сдвиг политического центра тяжести вправо: вследствие вовлечения более консервативных элементов в правительство, во-первых, и вследствие вытекающей отсюда необходимости добровольного ухода коммунистов с политической сцены, во-вторых. Тут речь идет отнюдь не о решении, соответствующем нашим желаниям, заявляет Таска, а о решении, навязываемом нам положением. В особенности настаивает Таска на необходимости создать правительство национального единения во Франции, имеющее задачей реорганизацию хозяйства страны и интенсификацию производства, — прави-

ство от социалистов до не-фашистских консерваторов. Формула «от Тореза до Рейно» устарела; возможна лишь формула «от Блюма до Марэна». Все это требует от социалистов и коммунистов серьезной самокритики, можно сказать самопреодоления: у социалистов в смысле участия в правительстве, ориентированном более на право, у коммунистов в смысле добровольного самоустранения от всех правительственных комбинаций и в смысле готовности, отмежеваться от социалистов, в то же время поддерживать их.

Что касается Итальянской Социалистической Партии, то она должна приспособить свою тактику к положению, созданному в Мюнхене для итальянского народа. Мюнхен вызвал катастрофу, но он в то же время выявил волю всех народов к миру, в частности народов, подвластных фашизму. Оказывается, что воинствующая пропаганда фашизма не могла отравить народные массы. На эти мирные настроения должна опираться в своей борьбе Итальянская Социалистическая Партия. Надо не только использовать отвращение к войне, надо еще развернуть кампанию за настоящий мир, против автаркии и империализма фашизма должна быть противопоставлена перспектива новой Европы, в которой только и могут быть разрешены жизненные вопросы итальянского народа. «Фашизм — это режим войны; мир противодействует ему, парализует его, грозит его задушить». Фашизм навязал итальянскому хозяйству такое автаркическое развитие, что без радикального изменения режима его нельзя уже отделить от военного хозяйства. Словом, при нынешнем положении вещей мир и революция объективно равнозначущи, точно так же, как фашизм и война. Когда Муссолини говорит: «то, что останавливается, тот гибнет», это не просто фраза; он действительно довел фашистский режим и его хозяйство до крайней степени автаркии, что лишь войною может предотвратить крушение системы. Не подлежит сомнению, что в Италии борьба за мир является специфической формой борьбы против фашизма. Поскольку после Мюнхена Муссолини получил возможность эксплуатировать в интересах своей популярности легенду о «спасителе мира», надо сделать его центром этой легенды; надо противопоставлять ее его политике; надо добиться, чтобы на каждом шагу он наталкивался на нее, как на преграду на своем пути: за вычетом плутократического слоя знамя мира может объединить весь итальянский народ в борьбе против фашизма. В рамках такой кампании широкое место должно быть отведено критике внешней политики Муссолини, приведшей лишь к усилению позиций Германии в Средней Европе за счет Италии. Этой политике банкротства мы должны противопоставить другую политику, более выгодную даже с точки зрения материальных интересов итальянского народа. Мы должны разъяснить итальянскому народу, что его интересы солидарны с интересами французского и испанского народа. Итало-франко-испанский союз мог бы послужить ядром организации, увенчанием которой было бы осуществление Соединенных Штатов Европы.

Борьба за мир ставит нас в прямой антагонизм ко всей фашистской системе. Но борьба против войны требует борьбы за свободу. Сентябрьские события показывают, какие опасности грозят народам, сдающим свою свободу диктатору фашистской системы. Социалистическая борьба против фашизма должна поэтому свертываться в борьбу против его политической основы — диктатуры, против его экономической основы — автаркии, против его цели — войны. Ясно, таким образом, что эта борьба может вестись лишь во имя социалистических принципов и лишь социалистической партией. «Мы глубоко убеждены, что в нынешнюю эпоху наша партия должна стремиться к максимуму самостоятельности и для этого, если понадобится, изменить свою структуру, чтобы быть в состоянии выполнить свои задачи». Отношения к коммунистами должны впрямь регулироваться не на базе единства действий, в рамках политики частичных соглашений, поскольку в них нет необходимости, причем коммунистическую партию следует ставить на ту же доску, как и любую другую анти-фашистскую партию. В такой постановке тезисы Таска ведут к ликвидации Народного Фронта и к разрыву единства действий между социалистами и коммунистами. Иначе говоря, смотря на вещи те, кто, подобно Пьетро Ненни и автору этих строк, являются убежденными сторонниками единства действий и видят в ситуации, созданной Мюнхеном, лишь подтверждение его необходимости.

Мюнхен вызвал страшную катастрофу, но в то же время продемонстрировал существенное различие между империалистической позицией западных демократий и позицией анти-фашизма. Основные интересы анти-фашизма требуют учета этого различия и выработки платформы борьбы против империалистско-тоталитарных держав, опирающейся на идеи интернационализма, черпаемые единственно и исключительно в социализме. Но эти идеи — мир, свобода, социальная справедливость — находят свое конкретное и последовательное выражение лишь в рабочем классе и могут развернуться лишь на

основе пролетарской политики, все больше развивающейся в направлении единства действий партий этого класса.

Мюнхен означает прежде всего нежелание демократических империализмов начать борьбу за гегемонию в анти-фашистской атмосфере, которая наполнила бы эту борьбу совершенно иным содержанием. Пацифизм демократических буржуазий является на самом деле лишь выражением отталкивания класса от борьбы, которая не является его борьбой и ведется во имя идеалов, которые являются не его идеалами. В этом смысле Мюнхен соответствует прочному настроению западных буржуазий и подчеркивает поражение анти-фашизма, не смогушего добиться осуществления оборонительной борьбы против фашизма в международном масштабе и на антифашистской почве. В этом поражении анти-фашизм должен отдать себе отчет, не затем, чтобы сделать отсюда вывод о необходимости впрямь плестись в свите демократического империализма, а, наоборот, затем, чтобы попытаться найти другую арену борьбы с врагом, которого он не смог победить на международной почве.

Мюнхен дает рабочему классу урок в смысле самостоятельности; он не только не толкает социалистические партии к разрыву с коммунистическими и к существованию в свите право-ориентированных правительств, но напоминает рабочему классу о необходимости все более тесного сплочения. Это не значит, что рабочий класс демократических стран должен перестать интересоваться всем, что имеет отношение к сопротивлению стремлениям фашизма к гегемонии, хотя бы источником этого сопротивления и были лишь мотивы империалистического характера, — отнюдь нет. Это значит лишь, что, если до Мюнхена рабочий класс и имел возможность придать назревавшему конфликту характер борьбы между фашизмом и анти-фашизмом, то теперь ему грозит опасность быть вманеврированным в столкновение, которому демократическая буржуазия придаст империалистический смысл, лишенный какого бы то ни было идеологического значения. Отсюда для рабочего класса демократических стран вытекает необходимость охранять свою самостоятельность по отношению к буржуазным правительствам; а делать это он сможет лишь в том случае, если обе рабочие партии будут сохранять друг с другом тесный контакт. Не отделяться друг от друга должны рабочие партии, а, наоборот, теснее, чем когда либо, спланиваться.

Да впрочем, и сам демократический империализм, отказавшийся в Мюнхене от борьбы потому, что борьба эта протекала бы в анти-фашистской атмосфере, и именно поэтому предпочел склониться перед гитлеровским шантажем, старается, особенно во Франции, освободиться от влияния рабочих партий. Цели этой реакционной установки очевидны. Именно в виду все ближе надвигающейся войны буржуазия демократических стран хочет держать все рычаги власти в своих руках. С этой точки зрения ясно, что, если до Мюнхена анти-фашизм и мог до известной степени воздействовать на демократический империализм (а мы видели, что Мюнхен и был своего рода выкупом, который демократический империализм уплатил, чтобы освободиться от этой анти-фашистской ипотеки), то теперь соотношение могло бы сложиться и обратно. Отсюда вытекает для анти-фашизма необходимость сомкнуть свои ряды, чтобы иметь возможность, в случае войны, сыграть роль не арриергарда буржуазного империализма, а авангарда борьбы за свободу. Коротко говоря, лишь единство рабочих партий может обеспечить силам анти-фашизма решающую роль в надвигающейся драме и дать им возможность повлиять на исход этой драмы в смысле освобождения человечества. Чем единее будут рабочие партии, тем легче смогут они заключать соглашения с демократическими буржуазиями без опасения утратить в момент столкновения самое анти-фашистскую природу свою, — ибо в этом и заключается-то вся суть.

Что касается позиции социализма в странах, подвластных фашизму, — это как раз случай итальянской партии — то мы думаем, что никакие идеологические и политические разногласия, имеющиеся еще в данное время между нами и коммунистами, не могут быть препятствием для развития единства действий. Пробным камнем для суждения о рабочей партии является ее роль в борьбе с фашизмом. С этой точки зрения надо признать, что события последних лет ясно показали, какой вклад делают коммунисты в анти-фашистскую борьбу. Здесь достаточно напомнить о событиях в Испании. Точно так же и в Италии о какой либо кампании против фашизма можно думать лишь на основе тесного соглашения между всеми силами анти-фашизма и, в первую голову, между социалистами и коммунистами. Разорвав единство действий, мы, правда, приобрели бы независимость по отношению к одной из партий рабочего класса, но мы потеряли бы ее по отношению к объединенным буржуазным группам. В применении к Италии создавалось бы то же самое положение, в какое попала бы французская социалистическая партия, ес-

ли бы она согласилась идти за радикальной партией в ее борьбе против коммунизма.

Партийный Совет, обсуждавший эти вопросы, значительным большинством встал на нашу, «благоприятную единству» точку зрения. Эта позиция была занята в результате интересной дискуссии, в которой оба направления в речах своих ораторов черпали аргументы в самых глубинах своего убеждения: Таска в гуманизме, забывающем подчас о суровой классовой действительности; Ненни и я в гуманизме, который, напротив того, именно из этой действительности и исходит. Впрочем, прения закончились отсрочкой: в наступающем году будет созван партийный съезд, — разве что еще до тех пор внезапно разразится надвигающаяся на Европу драма и подвергнет наши идеи гораздо более безапелляционному испытанию.

ИЗ ПАРТИИ

СОВЕЩАНИЕ ПРИ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП.

В связи с тем, что в порядке дня Исполкома РСИ (14-16 января) был поставлен вопрос о борьбе за демократию и за мир, Заграничная Делегация РСДРП созвала **Совещание при Заграничной Делегации** для обсуждения этой проблемы. На Совещание были представлены два проекта тезисов. Первый — за подписью членов ЗД РСДРП **Ф. Дана, С. Шварца** и **А. Югова**, второй — за подписью члена ЗД РСДРП **Р. Абрамовича**, к которому впоследствии присоединились члены ЗД — **Г. Аронсон** и **Б. Николаевский**. После обсуждения тезисов на 3 заседаниях (5, 8 и 9 января) определилось, что за основные мысли тезисов, которые защищались Ф. Даном (см. статью в № 15/16 «С. В.») высказались 8 членов Совещания, а за основные мысли тезисов, представленных Р. Абрамовичем (см. статью Р. Абрамовича в том же номере «С. В.») высказались 6 членов Совещания. Некоторые члены Совещания, голосуя за тезисы Ф. Дана или Р. Абрамовича, как за основу, формулировали поправки, которые считали бы нужными. Один член Совещания воздержался от голосования, а один, член ЗД **М. Кефали**, голосовал против обоих проектов. Кроме того, два члена Совещания, голосовавшие за тезисы Ф. Дана, представили заявления, формулирующие пункты их согласия и несогласия с тезисами и мотивы, побудившие их голосовать за тезисы Ф. Дана, как за основу.

Обсудив результаты Совещания, Заграничная Делегация единодушно постановила не принимать в этой стадии никакого обязательного для партии документа, а представить оба проекта в Исполком РСИ, как материал для международной дискуссии.

С этим номером рассылается **Систематический Указ** к «Социалистическому Вестнику» за 1938 год.

От редакции. За недостатком места намеченная для настоящего номера статья о Франции в связи с Монружским домом социалистической партии, откладывается до следующего номера.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- A. Rossi. Socialisme et dictature du prolétariat. Extrait de la Revue « Esprit », N° 75, Décembre 1938.*
S.I.B. Sozialdemokratischer Informations-Brief. Herausgegeben vom Auslandsbüro «Neu Beginnen». N° 43. Deutschland nach München. Sonderbericht. Herausgegeben von der Arbeitsgemeinschaft für Sozialistische Inlandsarbeit.
Nouveaux Cahiers, N° 37.
Delnicka Osveta, N° 9-10.
La Révolution Proletarienne, N° 286.
Que faire? N° 49.
Bulletin of the International Institute for Social History Amsterdam. N° 3.
Cahiers d'Europe, N° 1.
Neuer Weg, Januar 1939.
Léon Baratz, La question juive en U.R.S.S. (Réponse M. Georges Friedmann).
Masses. N° 1, Janvier 1939.
The Labour Publications Dept. The full facts of the Czech Crisis.
International Review for Social History. Edited by the International Institute for Social History, Amsterdam Volume III.
Neue Front, Heft 1. Januar 1939.
Deutschland-Berichte der Sopade. 1938, N° 12.
Русские Записки, кн. 13. Январь 1939.
 «*Brivibas* («Свобода») № 3 и 4, орган Загр. К. Латвийской Социалист. Партии.

EXTRAIT DE SOMMAIRE: Articles de *R. Abramovitch* sur la situation internationale, de *S. Schwarz* sur la réaction sociale U.R.S.S., de *Th. Dan* sur les problèmes de la lutte pour la démocratie et pour la paix à la dernière séance de l'Executif de l'I.O.S., de *V. Alexandro* sur la littérature soviétique, de *G. Grammaticopoul* sur les énigmes des procès de Moscou etc.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб.-Партии — Основан **Л. МАРТОВЫМ**

1 9-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) *L'Almanach populaire pour 1939* или
- 2) *Otto Bauer. — Die illegale Partei* или
- 3) *L. Blum. — L'exercice du pouvoir.*

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно